

ISSN: 2500-0837

ТЕОРИЯ государства и права

2017

июль-сентябрь

Номер выпущен при
финансовой поддержке
Goltsblat BLP

№ 3

Москва

Россия

2017 / № 3

**ТЕОРИЯ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

Научный журнал основан в 2016 г.

2017 / № 3

**THEORY
OF STATE AND LAW**

The academic journal is established in 2016

Теория государства и права

Уважаемые коллеги!

13-14 октября 2017 года, г. Москва, Ленинградский проспект, 17
«Международный университет в Москве», в зале заседаний Сената
(каб. 417)

состоятся

ДЕНИСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

II Международная научно-теоретическая конференция «Государство, право, демократия в современном мире»

Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, Юридический институт (Санкт-Петербург), кафедра теории и истории государства и права Юридического факультета Института управления, бизнеса и права АНОВО «Международный университет в Москве», редколлегии журналов «Теория государства и права», «Юридическая мысль», «Правовое государство: теория и практика», «Правовая политика и правовая жизнь», «Вестник Костромского государственного университета», «Вектор науки Тольяттинского государственного университета», «Юридическая наука» 13-14 октября 2017 года (регистрация с 9.00, начало 10.30) проводят II Международную научно-теоретическую конференцию «Государство, право, демократия в современном мире», посвященную заслуженному деятелю науки и техники РСФСР, доктору юридических наук, профессору **ДЕНИСОВУ АНДРЕЮ ИВАНОВИЧУ**.

К выступлению с докладами приглашаются доктора и кандидаты наук, аспиранты и соискатели, практикующие юристы.

Рабочие языки конференции – русский и английский.

Проезд и проживание иностранными и иногородними участниками оплачиваются и организуются самостоятельно.

Просим Вас подтвердить свое участие в конференции, пройдя электронную регистрацию до **10 октября 2017 г.** на сайте **www.matgip.ru** (Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права).

Тезисы доклада или статью направить в электронной форме до **30 октября 2017 г.** по адресу: SVKomafov2008@yandex.ru (в печатном виде по адресу: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, дом 19, корпус 1, оф. 12).

Российский индекс научного цитирования

Научные статьи будут опубликованы в вышеуказанных журналах и размещены в **Российском индексе научного цитирования** и на сайте **www.E-library.ru**

Возможно как очное, так и заочное участие.

Рассылка журнала и Сертификата участника конференции

Рассылка сборника и журнала авторам, заказавшим печатный вариант вместе с сертификатом, будет производиться централизованно, посредством почты России, заказной бандеролью после 15 декабря 2017 года.

На обложке логотип Международного университета в Москве

Содержание

		Стр.
Абрамов П.В.	Основные направления повышения эффективности социально-правовой политики государства.....	8
Дмитриева Ж.С., Чупров В.М.	Конкуренция правовых норм: на примере норм уголовного права.....	14
Дроздова А.М.	Механизм реализации государственной политики в сфере материнства и детства.....	22
Кузнецов Э.В., Михайлова М.В.	Возникновение и развитие науки о праве в России в XIX - начале XX веков.....	28
Кученев А.В.	Место и роль правовых ориентаций и установок в формировании профессионального сознания сотрудника ФСИН России.....	38
Ревнов Б.А.	Действие принципа правовой определенности при применении оценочных понятий.....	44
Соловьева И.А., Комаров В.С.	Об эффективности взаимосвязи норм права.....	51
Старовойтов В.Н.	К вопросу правового статуса человеческого плода <i>in utero</i>	55
Старовойтова О.Э.	Право собственности на тело.....	61
Тепляшин И.В.	Субъекты общественного контроля: некоторые вопросы и предложения.....	69

Теория государства и права

Редакционно-издательский совет:

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия) (учредитель, председатель совета)

Азнагулова Гузель Мухаметовна, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Арзамаскин Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Артемьев Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент (г. Коломна, Россия)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Нижний Новгород, Россия)

Васильев Анатолий Васильевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Дроздова Александра Михайловна, доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь, Россия)

Ельцов Николай Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Калинин Алексей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук, профессор (Республика Польша) (г. Санкт-Петербург, Россия)

Крылова Елена Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия)

Мицкая Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан)

Мордовец Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Печникова Ольга Глебовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Прокопович Галина Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Ревна Мария Борисовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (г. Санкт-Петербург, Россия)

Фролова Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Шамба Тарас Миронович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Theory of State and Law

Редакционная коллегия:

Комаров Владимир Сергеевич, главный редактор, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Воробьев Сергей Михайлович, заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Саматов Андрей Валерьевич, ответственный секретарь редакции (г. Москва, Россия)

Белянская Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Комарова Татьяна Львовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия) (г. Москва, Россия)

Мамитова Наталия Викторовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Полищук Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Попова Анна Владиславовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Якушев Александр Николаевич, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-65110 от 28.03.2016 г. Журнал выходит с периодичностью 4 раза в год.

Журнал «Теория государства и права» основан в 2016 году.

Учредитель: Комаров Сергей Александрович.

ISSN: 2500-0837

© Теория государства и права, 2017.

© Авторы, 2017.

Полнотекстовая версия журнала и архив номеров с 2016 г. по настоящее время доступна в Интернете на сайте Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (<http://matgip.ru/magazine>).

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Полнотекстовые выпуски журнала в свободном доступе представлены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU

При цитировании ссылка на конкретную статью в журнале обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы.

Теория государства и права

Editorial and publishing council:

Komarov Sergey Aleksandrovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia) (chairman of the board)

Aznagulova Guzel Mukhametovna, Doctor of legal sciences, associate professor (Ufa, Russia)

Arzamaskin Nikolay Nikolaevich, Doctor of legal sciences, professor (Ulyanovsk, Russia)

Artemyev Andrey Borisovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Kholmna, Russia)

Baranov Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Vasilyev Anatoly Vasilyevich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Drozdova Aleksandra Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, professor (Stavropol, Russia)

Eltsov Nikolay Sergeyeovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Tambov, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Kalinin Alexey Yuryevich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Kowalski Jerzy Sergey Cheslavovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Warszawa, Republic of Poland)

Krylova Elena Gennadyevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Lipinsky Dmitry Anatolyevich, Doctor of legal sciences, professor (Tolyatti, Russia)

Mitskaya Elena Vladimirovna, Doctor of legal sciences, professor (Shymkent, the Republic of Kazakhstan)

Mordovets Alexander Sergeyeovich, Doctor of legal sciences, professor (Saratov, Russia)

Pechnikova Olga Glebovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Prokopovich Galina Alekseevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Revnova Maria Borisovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg)

Sal'nikov Victor Petrovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation, Honorary worker of higher education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Frolova Natalya Alekseevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Tsybulevskaya Olga Ivanovna, Doctor of legal sciences, professor (Saratov, Russia)

Shamba Taras Mironovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Theory of State and Law

Editorial board:

Komarov Vladimir Sergeevich, Editor in chief, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg)

Vorobiev Sergey Mikhaylovich, Deputy editor, Doctor of legal sciences, professor (Ryazan, Russia)

Samatov Andrey Valeryevich, Executive secretary of the editorial board (Moscow, Russia)

Belyanskaya Olga Viktorovna, Candidate of legal sciences, associate professor (Tambov, Russia)

Galiyev Farit Hatipovich, Doctor of legal sciences, professor (Ufa, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Komarova Tatyana Lvovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg) (Moscow, Russia)

Mamitova Natalia Viktorovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Polishchuk Nikolay Ivanovich, Doctor of legal sciences, professor (Ryazan, Russia)

Popova Anna Vladislavovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Khabibulin Alik Galimzyanovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Yakushev Alexander Nikolaevich, Doctor of historical sciences, Candidate of legal sciences, Candidate of pedagogical sciences, professor

«Theory of State and Law» is registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

The certificate ПИ № ФС77-65110, March 28, 2016.

ISSN: 2500-0837

«Theory of State and Law» according to the union catalog «Press of Russia»

© The Theory of State and Law, 2017.

© Authors, 2017.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Interregional association of theorists of the state and the law (www.matgip.ru)

At citing the reference to a particular series of «Theory of State and Law» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

П.В.Абрамов*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Социально-правовая политика государства, постоянно нуждается в совершенствовании и развитии. Это связано прежде всего с тем, что сама деятельность государства в сфере социальной защиты и поддержки населения представляет собой динамический процесс, принципиально зависящий от множества конкретно-исторических условий, включая экономическое состояние общества, интересы и потребности граждан, особенности политических идеалов и т.п. Собственно концепция правовой политики предполагает именно такое отношение к правовой системе общества, при котором она рассматривается не как нечто законченное и неизменное, а как предмет осознанного конструирования, основанного на определенных целях. Следовательно, в концепции правовой политики в качестве ее необходимого элемента должна присутствовать идея обновления.

Ключевые слова: государство, социально-правовая политика, эффективность социально-правовой политики, критерии повышения эффективности социально-правовой политики, концепция эффективности социально-правовой политики государства.

THE MAIN AREAS IN THE ENHANCE THE EFFECTIVENESS OF SOCIAL AND LEGAL STATE POLICY

Summary. The social and legal state policy needs to be improved and developed. In the sphere of social security and support any state activity is the dynamic process that depends on many historical conditions, social economy, people needs and interests, political ideals. In the concept of legal state policy the legal system is regarded as a subject of the conscious construction based on the specific aims. Therefore the idea of modernization must be in the concept of legal policy.

Keywords: state, social and legal policy, effectiveness of social and legal policy, criteria of effectiveness of social and legal policy, the concept of social and legal policy.

В соответствии с меняющейся расстановкой социальных сил в динамичном глобализированном обществе неизбежны постоянный пересмотр и качественное обновление используемого юридического инструментария. Возможность построения социально-правовой политики государства предполагает наличие следующих исходных установок: во-первых, критическое отношение к действующему позитивному праву, признание его неудовлетворительности, стремление к обнаружению

* **Абрамов Павел Васильевич**, старший преподаватель кафедры гражданского и арбитражного процесса Частного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский институт бизнеса». E-mail: telefon@bk.ru

Pavel Abramov, Senior Lecturer of the Civil and Arbitration Procedure Department, Volgograd Institute of Business.

в нем различных недостатков и слабых мест, включая пробелы, коллизии, дисфункции и т.п.; во-вторых, готовность к выработке конструктивных предложений по возможному изменению или отмене отдельных нормативных положений, а также введению в действие новых, вплоть до полной смены стратегии правового регулирования в той или иной области общественных отношений.

При этом, разумеется, указанная деятельность не может иметь произвольного или спонтанного характера, а нуждается в определенных исходных ориентирах. Следует уточнить, что, несмотря на ведущую роль целеполагания в правовой политике, ее цели все-таки не могут являться основополагающим фактором в общей системе детерминант правовой политики, поскольку сама постановка целей также должна осуществляться в соответствии с определенными требованиями и может служить предметом оценки.

Подобным универсальным ориентиром для развития правовой политики не может являться абстрактная и недостижимая идея совершенства. Необходимы вполне конкретные, сравнительно простые показатели, которые могли бы выступать в качестве критериев оценки наличного состояния правовой политики и одновременно давать направления ее дальнейшего улучшения. В качестве такого обобщенного показателя может рассматриваться, в частности, концепция ее эффективности. С учетом вышеуказанной концепции представляется необходимым диверсифицированный подход к повышению эффективности правовой политики исходя из неоднородности ее состава и неоднозначности понимания самого термина «эффективность».

Во-первых, эффективность может рассматриваться как степень соответствия результатов правового регулирования его целям. При этом вопрос об эффективности как о соотношении результатов и понесенных затрат, с нашей точки зрения, в рамках социально-правовой политики государства является излишним, поскольку затраты имеют отношение лишь к экономической, но не к юридической стороне эффективности государственной деятельности; кроме того, так как результаты социальной политики не подлежат измерению в экономических единицах, то и сопоставить их с размером затраченных ресурсов не представляется возможным.

Во-вторых, эффективность социально-правовой политики можно рассматривать в контексте европейской концепции «эффективного средства правовой защиты», выработанной в основном Европейским судом по правам человека на основе толкования ст.13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Правомерность такого подхода вытекает из того, что сама социальная политика может, помимо прочего, изучаться как набор средств защиты международно и конституционно признанных социально-экономических прав человека. Кроме того, достоинством этого варианта является наличие детально проработанного перечня конкретных критериев эффективности.

В-третьих, при анализе возможных направлений развития социально-правовой политики нельзя обойтись без такого аспекта ее эффективности, как легитимность, то есть общественное признание принимаемых государством мер в области социальной защиты. Дело в том, что социально-правовая политика имеет предельно широкий круг адресатов и в поле ее воздействия попадает практически все общество. В этой связи общественное мнение по поводу социальной ценности и результативности правовой политики как субъективное отражение ее объективных качеств не может не приниматься во внимание, поскольку любой эффект социально-правовой политики не наступает автоматически, а опосредуется сознанием и поведением людей.

Таким образом, эти три аспекта эффективности социально-правовой политики могут с равным успехом выступать в качестве основных направлений ее развития и совершенствования.

По форме изложения цели социально-правовой политики прежде всего требуют конкретизации, повышения определенности. По содержанию они должны быть согласованы с другими нормативными положениями, а также соответствовать принципу выполнимости (реалистичности).

Конкретные цели социально-правовой политики должны вытекать из двух основных источников: во-первых, конституционного принципа социального государства, во-вторых, набора социально-экономических прав граждан, закрепленных в Конституции Российской Федерации и международно-правовых документах.

Другим аспектом повышения эффективности социально-правовой политики в рассматриваемом смысле является правильный выбор правовых средств для достижения поставленных целей. При этом необходимо иметь в виду, что цели социально-правовой политики являются не единственным фактором ее формирования.

Так, Н.С. Волкова указывает на то, что в социальной сфере объективно происходит поиск баланса между публичными интересами государства, требующими снижения бюджетных расходов, и частными интересами граждан, направленными на получение максимального объема и качества социальных услуг [3, с. 5-6]. М.Л. Захаров отмечает также, что еще одним заинтересованным субъектом является предпринимательское сообщество, стремящееся к снижению социальных платежей и взносов, обременяющих бизнес [5, с. 5]. Объективное наличие конфликта интересов в социальной сфере определяет сложное сочетание применяемых публично-правовых и частноправовых механизмов регулирования [7, с. 7].

Поиск баланса интересов приводит к тому, что зачастую происходит коммерциализация отдельных сфер социального обслуживания, примерами чего могут служить образование, здравоохранение, жилищно-коммунальное хозяйство и др., причем далеко не всегда эта тенденция способствует выполнению государством своих социальных обязательств, а чаще – препятствует ему [7, с. 8].

В настоящее время наиболее распространенными правовыми инструментами в сфере социальной политики государства являются прямые денежные выплаты и различные формы льготирования, включая бесплатный проезд в общественном транспорте, скидки на товары, предоставление бесплатных лекарств, прием вне очереди в учреждениях, предоставление бесплатного питания, школьной формы, бесплатное пользование услугами музеев и других учреждений культуры, льготное кредитование и т.п. [1, с. 65].

Несмотря на стремление государства к сокращению бюджетных расходов, параллельно возникают новые формы и институты социальной поддержки граждан: например, раздел 4 Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761, предусматривает создание государственного алиментного фонда [6].

Одним из основных условий повышения качества государственных услуг, как отмечается в литературе, является четкое нормативное закрепление предъявляемых к ним требований [4, с. 68]. Однако в отношении правовых средств существует та же проблема, что была отмечена ранее в связи с целеполаганием, а именно – их недостаточная правовая определенность. Е.Г. Азарова отмечает: «Все, что обещано государством, но записано в виде формулировок «помощь в выделении» и «содейст-

вие в предоставлении», на практике не срабатывает, поэтому предоставление беспроцентных ссуд, льготных кредитов и т. п. фактически не происходит» [1, с. 65].

Иной подход к повышению эффективности социально-правовой политики связан с использованием европейской концепции «эффективного средства правовой защиты». Возможность и даже необходимость обращения к этому аспекту эффективности обусловлена прежде всего тем, что развитие социального законодательства и практики его применения в России испытывает на себе все большее влияние как международного права вообще, так и международной судебной практики, в частности [7, с. 7]. Особенность европейской модели эффективности средств правовой защиты, как уже отмечалось, состоит в том, что эффективность определяется не как взаимное соответствие целей, средств и результатов, а как выполнение определенных нормативно закрепленных стандартов.

Соответственно, данная модель может использоваться для повышения эффективности социально-правовой политики двумя основными путями:

– во-первых, возможна рецепция тех конкретных критериев эффективности, которые выработаны в рамках европейского правосудия на основе интерпретации положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод;

– во-вторых, возможно также формирование с последующим доктринальным или нормативным закреплением уровня новых стандартов эффективности социально-правовой политики на национальном уровне.

Изначально идея эффективного средства правовой защиты возникает на основе ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Сферой ее применения является деятельность государственных органов по защите нарушенных прав, в том числе, если нарушения совершены лицами, действовавшими в официальном качестве. Однако, как представляется, соответствующие критерии эффективности могут быть распространены и на другие сферы государственной деятельности, разумеется, с учетом их специфики [8].

Наиболее важными элементами (критериями) эффективности средств правовой защиты, которые могут быть использованы в сфере социально-правовой политики, являются следующие:

- доступность средства правовой защиты;
- открытость (транспарентность) процедур защиты;
- полнота и объективность рассмотрения обстоятельств дела;
- своевременность (разумный срок) принятия решения по делу.

Речь идет о том, что эти требования, предъявляемые в рамках европейской правовой системы к материально-правовому и процессуальному регулированию защиты прав человека, могут быть по аналогии применены к иным формам и направлениям деятельности государства; при этом имеется в виду не столько аналогия права или закона, сколько доктринальная экстраполяция соответствующих критериев на социально-правовую политику государства.

Помимо указанных критериев эффективности, возможна и реализуется на практике выработка других стандартов осуществления социально-правовой политики. Так, к уже существующим стандартам можно отнести потребительскую корзину, прожиточный минимум, минимальный размер оплаты труда, квоты для приема на работу инвалидов, фиксированный базовый размер страховой части трудовых пенсий и др. [2, с. 85].

Неотъемлемым элементом эффективности социально-правовой политики является ее легитимация, или общественная оценка. Так, О.Ю. Еремина подчеркивает:

«При получении государственных услуг граждане вступают в непосредственное взаимодействие с органами государственной власти и в свою очередь оценивают работоспособность всего государственного аппарата по качеству и доступности полученных услуг. Поэтому самым важным индикатором предоставляемых государственных услуг является мнение граждан» [4, с. 68].

Итак, на основе всего вышесказанного можно выделить следующие основные меры по повышению эффективности социально-правовой политики в России:

- 1) конкретизация формулировок целеполагания в программных и нормативных правовых документах по вопросам социального обеспечения и социального развития;
- 2) повышение правовой определенности в закреплении средств правового регулирования социальных отношений;
- 3) внедрение модели «эффективного средства правовой защиты» в сфере обеспечения социально-экономических прав граждан;
- 4) повышение информационной и юридической доступности социальных услуг, включая упрощение процедур их предоставления;
- 5) усиление транспарентности (открытости) механизмов предоставления социальных услуг;
- 6) обеспечение представительства интересов в процедурах принятия решений по социальным вопросам;
- 7) сокращение сроков принятия правоприменительных решений по вопросам социального обеспечения;
- 8) согласование стандартов эффективности социальных услуг с их конституционными и законодательно установленными целями;
- 9) распространение оценки гражданами эффективности оказания государственных услуг на всю сферу социального обеспечения;
- 10) развитие механизмов мониторинга и обратной связи в сфере социально-правовой политики.

Библиографический список

1. *Азарова Е.Г.* Многодетная семья и проблемы ее социального обеспечения // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 63-78.
2. *Беребина О.П.* Международные стандарты как основа для развития законодательства Российской Федерации о социальном обеспечении: монография. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. – 216 с.
3. *Волкова Н.С.* Государственное управление социальной сферой: состояние и модернизация // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 5-16.
4. *Еремина О.Ю.* Качество и доступность государственных услуг в социальной сфере как показатель эффективности деятельности органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 67-77.
5. *Захаров М.Л.* Международные стандарты и российская пенсионная система // Журнал российского права. 2012. № 9. С. 5-12.
6. Указ Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 23. Ст. 2994.
7. *Хабриева Т.Я.* Основные векторы и проблемы развития социального законодательства // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 5-15.

8. См.: *Комаров С.А., Лаптева И.В., Титенков Д.И.* Права человека и правовая инфильтрация идей Европейского суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации: монография. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство Юридического института, 2015. – 426 с.

Ж.С.Дмитриева*,
В.М.Чупров**

КОНКУРЕНЦИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ: НА ПРИМЕРЕ НОРМ УГОЛОВНОГО ПРАВА

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы межотраслевой и отраслевой конкуренции, отмечается, что в современном российском уголовном законодательстве не существует двух норм, одинаково описывающих преступление. Любые составы преступлений различаются хотя бы одним признаком состава, чаще рядом признаков, а отсюда следует, что конкурирующие нормы по-разному описывают одно и то же деяние, хотя частично эти описания совпадают.*

***Ключевые слова:** конкуренция, коллизия, квалификация, уголовное право, межотраслевая конкуренция, отраслевая конкуренция.*

THE COMPETITION OF LEGAL NORMS (FOR EXAMPLE, CRIMINAL LAW)

***Summary.** The article considers the issues of inter-sectoral and sectoral competition, it is noted that in modern Russian criminal legislation there are two standards describing the same crime. Any structure of crimes differ in at least one symptom of the composition, most number of signs, and it follows that the competing rules of different ways to describe one and the same act, although some of these descriptions are the same.*

***Key words:** competition, conflict, qualification, criminal law, inter-industry competition, industry competition.*

Бывает, что складывается такая ситуация, при которой одно совершенное лицом противоправное деяние одновременно содержит признаки, предусмотренные двумя или более нормами различных отраслей права. Таким образом, существует возможность привлечь виновное лицо к ответственности, квалифицировав совершенное деяние по признакам той или иной нормы. Такую ситуацию принято называть «конкуренцией норм». Стоит отметить, что конкуренция может быть как межотраслевая, так и отраслевая [1].

Конкуренция уголовно-правовых норм. Необходимо отметить, что в современном российском уголовном законодательстве не существует двух норм, одинаково описывающих преступление. Любые составы преступлений различаются хотя бы одним признаком состава, чаще рядом признаков. Следовательно, конкурирующие нормы по-разному описывают одно и то же деяние, хотя частично эти описания совпадают. Исходя из степени такого совпадения, различают три общепринятых ви-

* *Дмитриева Жанна Сергеевна*, студентка Юридического факультета Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

** *Чупров Владимир Михайлович*, и. о. ректора ФГБОУ ДПО «Новомосковский институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов химической промышленности», кандидат юридических наук. E-mail: chuprov1706@mail.ru

да конкуренции: 1) конкуренция общей и специальной норм; 2) конкуренция специальных норм; 3) конкуренция части и целого.

Прежде чем более подробно остановиться на названных видах конкуренции, отметим, что конкуренцию норм ни в коем случае нельзя смешивать с совокупностью преступлений, в особенности идеальной, а также с неоднократностью преступлений.

Так, идеальная совокупность преступлений имеет место тогда, когда одним деянием субъект совершает два (или более) преступления. Содеянное одновременно квалифицируется по двум нормам закона; выбирать одну из норм нет необходимости. Например, замышляя убить одно лицо, виновный стреляет и этим выстрелом, помимо тяжкого вреда здоровью потерпевшего, причиняет средней тяжести вред здоровью рядом стоящего потерпевшего. Очевидно, что содеянное квалифицируется по двум нормам Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) – ч. 3 ст. 30 и ст. 105 (покушение на убийство при доказанности общеопасного способа – п. "е" ч. 2) и ч. 3 ст. 118 (причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности).

При неоднократности преступлений, согласно ч. 1 ст. 16 УК РФ, совершаются два или более преступления, предусмотренных одной статьей или частью статьи уголовного закона, а в случаях, специально указанных в законе, – и преступлений, предусмотренных различными статьями. Так, неоднократность будет в случае совершения одной за другой трех краж, каждая из которых квалифицируется по ч. 1 ст. 158 УК РФ. Неоднократной следует признать и кражу, совершенную после разбоя (ст. 161 УК РФ) или хищения оружия (ст. 226 УК РФ), поскольку такие сочетания преступлений прямо предусмотрены в примечании 3 к ст. 158 УК РФ. Во всех перечисленных случаях нет необходимости выбора между различными нормами. Три одинаковые кражи оцениваются по одной норме (п. "б" ч. 2 ст. 158 УК РФ) как кража, совершенная неоднократно. Второй случай (если лицо ранее осуждалось за разбой) также оценивается по п. "б" ч. 2 ст. 158 УК РФ. Такое правило квалификации прямо предписано в ч. 3 ст. 16 УК РФ.

Едва ли следует смешивать конкуренцию норм с коллизией норм. Коллизия – это изначально противоречивое решение одного и того же вопроса в законе. Устранить коллизию норм может лишь законодатель. Конкуренция возникает довольно часто и при логичном, непротиворечивом законе. Разрешение вопросов конкуренции – задача правоприменителя.

Конкуренция общей и специальной норм. При всех видах конкуренции общей и специальной норм действует классическое правило: специальный закон отменяет действие закона общего. Данное правило прямо закреплено в действующем законодательстве (ч. 3 ст. 17 УК РФ): если преступление предусмотрено как общей, так и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует, и уголовная ответственность наступает по специальной норме.

Общая норма описывает содеянное в целом, например, злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Злоупотребление может выразиться, в частности, в получении взятки (ст. 290 УК РФ) или в служебном подлоге (ст. 292 УК РФ). Несмотря на то что получение взятки является одной из форм злоупотребления должностными полномочиями, законодатель специально выделил данную форму, прямо предусмотрев ее в отдельной норме закона с отдельной санкцией. Следовательно, недопустимо игнорировать волю законодателя и его специальное решение по данному конкретному вопросу. По этому же пути идет и судебная практика, на что указал Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 30 марта 1990 г.

Один из самых распространенных случаев конкуренции общей и специальной норм - конкуренция общего и квалифицированного (или привилегированного) составов одного вида преступления. Квалифицированные (в том числе особо квалифицированные) и привилегированные составы преступлений являются специальными относительно основного состава преступления. Следовательно, содеянное, содержащее признаки и основного, и квалифицированного (привилегированного) составов преступлений, должно оцениваться по норме, содержащей квалифицированный (привилегированный), а не основной состав преступления. Такое решение рекомендовалось как дореволюционным, так и современным отечественным уголовным правом. Например, халатность (ч. 1 ст. 293 УК РФ), которая повлекла по неосторожности смерть потерпевшего (состав с данным квалифицирующим признаком описан в ч. 2 ст. 293 УК РФ), оценивается по ч. 2, а не по ч. 1 данной статьи.

Конкуренция специальных норм имеет следующие разновидности.

1. Конкуренция нескольких пунктов (или частей) статьи, предусматривающих квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки. В данном случае применяется тот пункт (или часть), который содержит наиболее тяжкий признак из имеющихся в данном конкретном случае. При этом в описательной части приговора должны быть указаны все квалифицирующие признаки деяния.

2. Конкуренция статей (частей, пунктов статей) Особенной части уголовного закона, когда одной из них предусмотрены квалифицирующие (особо квалифицирующие), а в другой – привилегированные признаки. При данном виде конкуренции приоритет имеет норма, описывающая привилегированный состав преступления.

Основанием такого решения служит тот факт, что в силу ряда причин в данной ситуации происходит резкое снижение степени общественной опасности содеянного, типичной для квалифицированного состава. Привилегированный признак нивелирует повышение общественной опасности вследствие наличия квалифицирующего обстоятельства. Например: совершение группой лиц убийства (п. "ж" ч. 2 ст. 105 УК РФ) двух и более потерпевших (п. "а" ч. 2 ст. 105 УК РФ), при превышении мер, необходимых для задержания лиц, совершивших преступление (ч. 2 ст. 108 УК РФ). Очевидно, что совершение убийства, хотя и с превышением мер, необходимых для задержания, все же связано с социально полезной деятельностью по задержанию преступника. В данной ситуации совершение преступления группой лиц (например, работников полиции) в отношении нескольких преступников уже по существу не может оцениваться в качестве усиливающего ответственность обстоятельства. Аналогично будет оценена ситуация, когда, например, убийство совершается общеопасным способом (п. "е" ч. 2 ст. 105 УК РФ), однако в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ). Специфика субъективной стороны содеянного нейтрализует повышенную опасность способа убийства.

3. Конкуренция статей (пунктов, частей статей), содержащих разновидности привилегированных составов. В данном случае приоритет имеет норма, содержащая признак, максимально уменьшающий ответственность.

Данный вид конкуренции возникает практически лишь по делам о преступлениях против жизни и здоровья, особенно по делам об убийствах. Это обусловлено относительно небольшой распространенностью привилегированных составов в действующем уголовном законодательстве. Например, такая ситуация возникает при наличии признаков аффекта (ч. 1 ст. 107 УК РФ) и одновременно превышения пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ) при убийстве. В данном случае соде-

янное оценивается по ч. 1 ст. 108 УК РФ, поскольку наказание за убийство при превышении пределов необходимой обороны менее строгое, чем за убийство в состоянии аффекта.

Конкуренция части и целого характеризует ситуацию, когда содеянное описывается различными уголовно-правовыми нормами с различной степенью полноты: в части и полностью. Например, разбой с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (п. "в" ч. 3 ст. 162 УК РФ) и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ); либо терроризм, повлекший по неосторожности смерть человека (ч. 3 ст. 205 УК РФ) и причинение смерти по неосторожности (ч. 1 ст. 109 УК РФ).

Общее правило для решения вопроса конкуренции части и целого: всегда применяется та норма, которая с наибольшей полнотой охватывает все фактические признаки содеянного. В приведенных выше примерах это п. "в" ч. 3 ст. 162 УК РФ и ч. 3 ст. 205 УК РФ, поскольку при ином решении вопроса останется без оценки посягательство на собственность (при разбое) и посягательство на общественную безопасность (при терроризме).

В рамках единого преступления, оцененного по одному составу преступления, более поздняя стадия совершения преступления поглощает ранние стадии (приготовление и покушение). В качестве части можно рассматривать приготовление к краже или покушение на кражу (ч. 1 или ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 158 УК РФ), а в качестве целого – завершение той же кражи (ч. 1 ст. 158 УК РФ).

Если же единое преступление оценивается по разным составам как менее тяжкое оконченное преступление и покушение на более тяжкое преступление, более полной следует признать квалификацию содеянного как покушение на более тяжкое преступление. Например, виновный с намерением убить соседа сбрасывает на него с крыши лист кровельного железа, однако удар приходится вскользь и причиняется лишь легкий вред здоровью потерпевшего. Содеянное следует оценивать как покушение на убийство (ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 105 УК РФ), а не как умышленное причинение легкого вреда здоровью.

Нередко в квалифицированных (особо квалифицированных) составах преступлений сам по себе квалифицирующий признак образует самостоятельное преступление. Например, причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего при разбое (п. "в" ч. 3 ст. 162 УК РФ) может быть самостоятельно оценено и по ч. 1 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью). Кража с незаконным проникновением в жилище (п. "в" ч. 2 ст. 158 УК РФ) может быть оценена и как кража, и как самостоятельное преступление – нарушение неприкосновенности жилища (ч. 1 ст. 139 УК РФ). Убийство из хулиганских побуждений (п. "и" ч. 2 ст. 105 УК РФ) теоретически можно "разложить" на убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и хулиганство (ст. 213 УК РФ).

В рассматриваемом случае с наибольшей полнотой охватывает содеянное квалифицированный (особо квалифицированный) состав преступления, который можно рассматривать как целое. В качестве части (частей) при данном виде конкуренции части и целого выступает квалификация содеянного по совокупности двух норм, менее полно охватывающих содеянное. По общему правилу, содеянное квалифицируется по общей норме, то есть по норме, описывающей квалифицированный состав преступления.

Межотраслевая конкуренция. Все составы преступлений и административных правонарушений в рамках единой системы охранительного законодательства

подразделяются на 3 группы: 1) составы административных правонарушений, не имеющие соотносящихся составов преступлений (например, статья 20.21. КоАП РФ «Появление в общественных местах в состоянии опьянения»); 2) составы преступлений, не имеющие соотносящихся составов административных правонарушений (например, статья 105 УК РФ «Убийство»); 3) соотносящиеся составы преступлений и административных правонарушений (например, статья 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство» и статья 213 УК РФ «Хулиганство»). Все соотносящиеся составы преступлений и административных правонарушений закреплены в законе относительно друг друга как смежные либо конкурирующие. Правоприменительный аспект квалификации соотносящихся составов преступлений и административных правонарушений базируется на новой основе – теории межотраслевой квалификации.

Под межотраслевой квалификацией правонарушений следует понимать установление и юридическое закрепление компетентным органом точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления либо административного правонарушения, предусмотренными нормами УК РФ либо КоАП РФ.

С учетом того, что все соотносящиеся составы преступлений и административных правонарушений являются смежными либо конкурирующими, их межотраслевая квалификация основывается на правилах разграничения смежных составов и правилах применения конкурирующих норм.

Вопросы квалификации смежных составов преступлений и проступков против общественной безопасности и общественного порядка разрешаются путем разграничения. Критериями разграничения смежных составов преступлений и административных правонарушений могут выступать только те признаки составов, которые способны корректировать уровень общественной опасности, а именно: деяние; способ совершения правонарушения; последствия (вред) правонарушений, за исключением такой их разновидности, как «возникновение угрозы причинения вреда»; предмет правонарушения.

Субъективная сторона правонарушения, ее признаки (форма вины, цель, мотив) могут выступать в качестве критериев разграничения деликтов при условии, что от них существенным образом зависят характер и степень общественной опасности деяния.

Признаки правонарушений, не характеризующие противоправное поведение субъекта, не могут повлиять на изменение уровня его общественной опасности. В связи с этим в качестве самостоятельных критериев разграничения преступлений и административных правонарушений такие признаки, как субъект, объект, место совершения правонарушения, использоваться не могут.

По своей природе конкуренция уголовных и административных норм вызвана явлениями как объективного (необходимость дифференциации ответственности, реализация принципов виновности, справедливости), так и субъективного характера (дефекты законодательной техники, нормативное излишество и т.д.).

На основании этого можно выделить объективную и субъективную межотраслевую конкуренцию уголовных и административных норм. Для разрешения случаев квалификации деяний при объективной конкуренции норм УК РФ и КоАП РФ определяются виды и особенности правил конкуренции норм, характеризующих межотраслевую квалификацию.

Так же как и при конкуренции норм внутри одной отрасли, при конкуренции общей и специальной уголовной или административной нормы применяется специ-

альная норма. При этом в качестве общей и специальной может выступать как уголовно-правовая, так и административно-правовая норма.

При конкуренции частей и целого применяется целое. При этом в качестве целого могут выступать только нормы УК РФ.

В случае конкуренции норм при неоконченной противоправной деятельности применению подлежит та норма УК РФ либо КоАП РФ, которая более полно предусматривает признаки совершенного деяния. При этом о неоконченной противоправной деятельности следует говорить только в отношении преступлений.

Под субъективной конкуренцией уголовных и административных норм следует понимать такие случаи соотношения норм УК РФ и КоАП РФ об ответственности, при которых в диспозициях статей законов отсутствуют признаки правонарушений, позволяющие сделать выбор в применении той или иной нормы.

Случаи субъективной межотраслевой конкуренции уголовных и административных норм порождены издержками законодательной техники, несовершенством их формы и (или) содержания. В результате исследования определены два типа субъективной межотраслевой конкуренции уголовных и административных норм.

Первая разновидность субъективной конкуренции является следствием несовершенства формы и (или) содержания действующих уголовных и административных норм, когда существует проблема выбора между этими нормами. Для ее разрешения, как нам кажется, следует закрепить общее правило межотраслевой квалификации, которым должен руководствоваться правоприменитель в конкретных случаях. В связи с этим, как нам думается, необходимо внести изменения в УК РФ, дополнить статью 14 УК РФ «Понятие преступления» частью 3 следующего содержания:

«3. Уголовная ответственность за преступление, предусмотренное настоящим Кодексом, наступает, если совершенное общественно опасное деяние по своему характеру не влечет за собой в соответствии с действующим законодательством административной ответственности.».

Вторая разновидность субъективной конкуренции является следствием издержек законодательной техники, при которой нормы, по своей сути являющиеся смежными, закреплены в законе как конкурирующие. Фактически нарушены правила закрепления в законе норм как смежных либо конкурирующих.

Для разрешения такого типа субъективной конкуренции необходимо, как нам видится, внести изменения в действующее законодательство, привести диспозицию статьи в соответствие с ее содержанием.

В целях устранения второго типа субъективной конкуренции уголовных и административных норм предлагаем следующие проекты изменений, которые, как нам кажется, необходимо внести в статьи УК РФ и КоАП РФ об охране общественной безопасности и общественного порядка.

Составы преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 228 УК РФ «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» и правонарушения, предусмотренного ст. 6.8 КоАП РФ «Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» по своему содержанию являются смежными, однако сформулированы в законе как конкурирующие. В связи с этим в диспозицию ст. 6.8 КоАП РФ, как представляется, следует внести изменения, сформулировав ее следующим образом:

«Статья 6.8. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов

Незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, *если указанные деяния совершены при отсутствии крупного размера, –*».

По этим же причинам, как представляется, следует внести изменения в статью 6.2 КоАП РФ «Незаконное занятие частной медицинской практикой, частной фармацевтической деятельностью либо народной медициной (целительством)» и ч. 1 ст. 235 УК РФ «Незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью», сформулировав указанные составы в качестве смежных.

В диспозиции ч. 1 ст. 235 УК РФ присутствует признак общественно опасных последствий в виде «причинения по неосторожности вреда здоровью человека», за счет которого состав преступления является специальным по отношению к проступку. Уголовно наказуемым является только такое незаконное занятие частной медицинской практикой, которое повлекло причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью человека (ст. 118 УК РФ). Причинение по неосторожности легкого, средней тяжести вреда здоровью составом преступления не охватывается.

С учетом изложенного ч. 1 ст. 235 УК РФ «Незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности» следует изложить, как нам видится, в следующей формулировке:

«Статья 235. Незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности

1. Занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью лицом, не имеющим лицензии на избранный вид деятельности, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, - наказывается штрафом в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.».

Административную ответственность за смежное правонарушение необходимо дифференцировать в зависимости от причиненного вреда. Для этого ст. 6.2 КоАП РФ «Незаконное занятие народной медициной» следует изложить, как нам кажется, в следующей формулировке:

«Статья 6.2. Незаконное занятие народной медициной

1. Занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью лицом, не имеющим лицензию на данный вид деятельности, - влечет наложение административного штрафа в размере от двадцати тысяч до ста тысяч рублей.

2. Занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью лицом, не имеющим лицензию на данный вид деятельности, если это повлекло по неосторожности причинение легкого вреда здоровью человека, - влечет наложение административного штрафа в размере от двадцати тысяч до двухсот тысяч рублей.

3. Занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью лицом, не имеющим лицензию на данный вид деятельности, если это повлекло по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью человека, -

влечет наложение административного штрафа в размере от ста тысяч до четырехсот тысяч рублей.

4. Занятие народной медициной (целительством) с нарушением установленного законом порядка – влечет наложение административного штрафа в размере от двух тысяч до четырех тысяч рублей.

Библиографический список

1. См., напр.: *Арзуманян А. Э.* Конкуренция норм российского права: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд.юрид.наук. Саратов, 2009. – 29 с.

А.М.Дроздова*

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА

Аннотация. В статье автор анализирует основные проблемы отношений между государством, обществом и правами ребенка, которые всегда были обсуждаемы и проблематичны. Представляет анализ основных проблем в реализации механизма государственной защиты прав семьи и обращает внимание на необходимость реализации более эффективных программ помощи и защиты семьи, материнства и детства. Выдвигается тезис о том, что на основании анализа множества программ, стратегий, планов, нормативных правовых актов в названной сфере и реальных механизмов в Российской Федерации выясняется, что проблемами обеспечения и защиты семьи, матери и ребенка по долгу службы занимается достаточно большое число должностных лиц, организаций, различных служб и структур, однако государственный механизм порой не срабатывает и наряду с положительными моментами высвечиваются существенные и нерешенные проблемы.

Автор предлагает государству в качестве общего принципа использовать и осуществлять **принцип правовой защиты ребенка** для формирования подлинной культуры уважения прав ребенка, матери, семьи, которая пронизывала бы все слои и структуры нашего общества. Предлагается сделать общепризнанные права ребенка основой национальной стратегии государства.

Ключевые слова: деятельность государства, сфера защиты прав, материнство и детство, национальная стратегия, семейное неблагополучие.

THE MECHANISM OF REALIZATION OF THE STATE POLICY IN THE SPHERE OF MOTHERHOOD AND CHILDHOOD

Annotation. In the article, the author analyzes the fundamental problems of relations between the State, society and the rights of the child, which have always been discussed and problematic. Presents an analysis of the main problems in the implementation of the mechanism of State protection of the rights of the family and the need to implement more effective programmers of assistance and protection of the family, motherhood and childhood. Advances the thesis that based on the analysis of many programs, policies, plans, regulatory legal acts in the field and real mechanisms in Russia reveals that the problems of security and the protection of the family, mothers and children on duty deals with quite a large number of officials, organizations, various services and structures, but the State mechanism does not work sometimes and, along with positive moments highlights significant and unresolved problems.

The author suggests as a general principle the State use and implement the principle of legal protection of the child, for a genuine culture of respect for the rights of the child, mother, family, which permeated all layers and structure of our

society. It is suggested that the universally recognized rights of the child, the basis of the national strategy for the State.

Keywords: *the State, the scope of protection of the rights, motherhood and childhood, national strategy, family adversity.*

В связи с тем, что каждое государство желает быть сильным, успешным, уважаемым и значимым на мировой арене, оно без сомнения должно выстраивать эффективную государственную политику в сфере установления, обеспечения, охраны и защиты прав матери, ребенка, семьи. В процессе реализации государственной политики в названной сфере всегда появляется много направлений и задач, а значит, механизм реализации этой государственной политики не может быть простым и дешевым, что, в свою очередь, обязывает государство выделять определенные приоритеты на определенных этапах реализации механизмов защиты материнства и детства. Основными направлениями деятельности государства, которое провозглашает себя социальным и политика которого направлена на создание и обеспечение условий достойной жизни и творческого развития каждого человека, каждой личности, должны стать конституционные принципы защиты и гарантий прав семьи, матери и ребенка.

В Российской Федерации конституционно предусмотрено создание механизмов государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, создание и функционирование необходимых социальных учреждений и организаций, а также системы гарантий социальной защиты каждого при том, что государство возлагает на себя обязанность по защите названных институтов.

Создание на государственном уровне механизмов обеспечивающих необходимые условия для рождения, выживания и защиты детей, их полноценного развития в процессе реализации семьей своих основных функций в жизни общества, представляется как механизм *охраны материнства и детства*. Ради справедливости следует заметить, что механизмов несколько и они достаточно сложны, а именно: механизм правового регулирования путем создания соответствующего законодательства в названной сфере, создание и обеспечение действенного механизма их непосредственной реализации, создание и обеспечение механизма гарантий по осуществлению и защите прав матери и ребенка, отца и ребенка или целой семьи в различных сферах жизнедеятельности.

Основными направлениями деятельности государства в сфере защиты прав семьи, матери и ребенка должны быть направления деятельности государства по: обеспечению всестороннего физического, интеллектуального и духовного развития детей и молодежи; социальной, правовой и экономической защите семьи для обеспечения всестороннего развития всех ее членов; поддержке молодых и многодетных семей; оказанию социальной помощи неполным семьям с низкими доходами, а также по организации и обеспечению социальной помощи детям, оставшимся без попечения родителей, и др.

Общеизвестно, что в начале XX века активное развитие получила концепция прав человека, что не могло не затронуть проблемы с правами ребенка, так как участились случаи использования дешевого наемного детского труда, торговли детьми и даже проституции несовершеннолетних. Прошло достаточно много времени, прежде чем стал обсуждаться вопрос об отдельном рассмотрении прав детей; нужно было пережить последствия революций, войн, демографические реформы с тем,

чтобы человечеству стало понятно, что ребенок – полноценный член общества, только маленький и беззащитный [1, с. 198].

Анализируя деятельность государства в системе механизмов охраны и защиты материнства и детства, следует выделить сущностные механизмы, например, по принятию соответствующих законодательных актов, прописывающих необходимые гарантии, а также нормы реализации этих гарантий. Одновременно разрабатываются целевые федеральные и региональные программы. Вторую группу могут составить механизмы и институты, осуществляющие непосредственную реализацию принятых выше и обеспеченных гарантий и норм. С учетом того, что механизмы защиты материнства и детства – динамичные и развивающиеся структуры, необходимо их изучение и анализ с целью совершенствования институтов и норм, создания или изменения ряда направлений деятельности, что возможно только при изучении и анализе практического применения норм законодательства, с учетом экономических, социальных и иных обстоятельств в государстве, да и в мире в целом.

По мнению автора, государственная политика в сфере защиты прав матери и ребенка проводилась в нашей стране всегда, но в последние годы эта деятельность государства, регламентированная Конституцией Российской Федерации, ведется достаточно направленно и эффективно на основе внедрения и применения программно-целевого метода. Нельзя не сказать, что объективно государственная политика в сфере охраны и защиты материнства и детства регламентируется рядом законодательных и иных правовых документов как на международном уровне, так и с помощью нормативных правовых актов национального права, то есть внутригосударственных, а именно федеральных, региональных, муниципальных. Особо следует выделить такие организационные мероприятия, как целевые программы указанного профиля, которые занимают в механизме государственной политики важное место.

Так, например, в Программу социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006-2008 годы) были включены в качестве приоритетных направлений государственной политики, улучшающих положение детей в стране: мероприятия по охране и укреплению здоровья детей и подростков; по проведению профилактической работы с семьями по предупреждению их дальнейшего социального неблагополучия; по созданию условий для активного вовлечения детей и подростков в социально-экономическую и культурную жизнь общества; по повышению дальнейшей эффективности поддержки детей, находящихся в особо сложных обстоятельствах, а также детей-инвалидов, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на что в свое время указал в Послании 2006 года Президент Российской Федерации, подчеркнув необходимость реализации более эффективных программ помощи и защиты семьи, материнства и детства.

Ради справедливости заметим, что данное Послание не единственное, в котором мы слышим очередное напоминание главы государства чиновникам о том, что их главная задача состоит в обеспечении гарантий, защите и охране прав матери и ребенка.

Следует обратить внимание на то, что Федеральная целевая программа «Дети России», рассчитанная на 2003-2006 годы, была проанализирована и получила свое продолжение в аналогичной Федеральной целевой программе на 2007-2010 годы, что позволяет надеяться на постоянное внимание государственных органов власти к проблемам российских семей.

Граждане, имеющие детей, получают государственные пособия, которые предусмотрены Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», согласно приказу Минздравсоцразвития России от 23.12.2009 № 1012н (ред. от 04.05.2016) «Об утверждении Порядка и условий назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей» [2]. Государственная политика в последние годы нацелена на разработку и внедрение определенных планов с целью повышения авторитета семьи, при этом выделяется ее приоритетная роль в процессе воспитания детей, для чего восстановлены в правах учрежденные ранее государственные награды для поощрения многодетных родителей как на федеральном, так и на региональном уровнях.

В настоящий период реализуется Национальная стратегия в сфере названных отношений, разработанная и утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 года № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы» [3]. В указе определены основные проблемы в сфере детства и названы ключевые принципы Национальной стратегии государства, а также перечислены основные меры, которые позволят в определенной степени сократить число бедных семей с детьми.

Смеем надеяться, что эта стратегия позволит обеспечить такую сферу, как информационная безопасность детства, что на данный момент крайне актуально при наличии свободного доступа в социальные сети Интернета. Средствам массовой информации, общественным структурам гражданского общества предстоит совершать меры по формированию здорового образа жизни семьи, детей и подростков, в том числе с особой заботой отнестись к мерам по защите прав и интересов детей-сирот и детей, которые в силу объективных или иных обстоятельств остались без внимания родителей.

Самостоятельным и важным направлением деятельности всех государственных структур по охране, защите, обеспечению прав детей стала профилактика и предотвращение насилия в отношении несовершеннолетних, а также реабилитация детей, которые уже стали жертвами насилия. В этом плане главную роль следует отводить родителям и детским коллективам, с учетом психологических особенностей и возрастной психологии детей и подростков разрабатывать и реализовывать конкретные мероприятия и программы обучения как детей, так и их родителей.

В качестве примера можно указать на Концепцию государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. №1618-р [4]; Концепцию демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 [5]; Стратегию развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р [6] и др.

На основании анализа названных программ, стратегий, планов, нормативных правовых актов и реальности в ряде субъектов Российской Федерации выясняется, что проблемами обеспечения и защиты семьи, матери и ребенка по долгу службы занимается достаточно большое число должностных лиц, организаций, различных служб и структур, однако наряду с положительными моментами высвечивается ряд существенных и нерешенных проблем в ряде субъектов Российской Федерации. К их числу следует отнести: *повышение доходов семьи*, в которой есть дети, что объективно связано с экономическим развитием региона и государства в целом, так как

предполагает создание новых предприятий и рабочих мест для трудоустройства родителей; необходимы механизмы по привлечению к труду в различных сферах и различных формах для обеспечения женщин, имеющих несовершеннолетних детей, что не только окажет помощь семье, но и повысит авторитет властных структур у каждого сотрудника того или иного предприятия. Достаточно сложно решаемой в ряде субъектов Российской Федерации является проблема, связанная с *недостаточным числом мест* в детских дошкольных организациях, особенно в ясельных группах. Для кардинального разрешения названной проблемы можно использовать опыт создания негосударственных дошкольных образовательных учреждений, а также получившие распространение различные иные формы ухода и присмотра за малолетними детьми.

Многоаспектно выглядит проблема *семейного неблагополучия*, особенно с учетом того, что согласно статистическим данным многие родители ограничиваются в правах или лишаются прав в отношении своих детей и при этом появляется около 60 тысяч сирот при живых родителях, что получило в обществе даже свое название – *социальное сиротство*. Смеем заметить, что при условии оказания помощи семье, родителям, просто людям и детям, попавшим в трудные условия, со стороны государственных и негосударственных структур вполне может уменьшиться число так называемых социальных сирот. Но для этого чиновники должны захотеть делать эту работу, вложить в нее силы и средства, а для начала понять свое назначение в сфере оказания помощи и защиты семьи. Разве так уж сложно трудоустроить родителей, помочь им в устройстве или ремонте жилища, определить ребенка в детское учреждение, обеспечить его бесплатным посещением кружков и секций, наладить надлежащий контроль и консультативную помощь родителям... На практике получается, что легче и проще отобрать ребенка, лишить родителей родительских прав и в конечном счете разрушить семью окончательно, нанеся ей не только материальный, но и моральный, порой невосполнимый ущерб.

Может быть, стоит направить государственную политику на организацию и пропаганду деятельности общественно-политических структур с тем, чтобы отыскать, организовать, привлечь и задействовать неравнодушных к проблемам детей-сирот, детей-инвалидов граждан государства, обратив их внимание на помощь многодетным семьям, ведь всегда есть люди, которые готовы помочь другим людям. Просто следует найти их, собрать, организовать и в определенной степени руководить их деятельностью.

Общеизвестно, что предпосылкой молодых родителей к рождению детей, а порой важной проблемой для них становится отсутствие своего жилья или нуждаемость в улучшении имеющихся жилищных условий. Это можно заметить даже при анализе использования материнского капитала в настоящее время, который на 96% направляется для приобретения, улучшения или ремонта жилья при том, что в ряде субъектов Российской Федерации молодым семьям предоставляется социальная выплата на приобретение жилого помещения. Так, может быть, разработать программу по созданию условий для организации соответствующих фондов в субъектах Российской Федерации, средства которых будут направляться только на строительство жилья для молодых семей, с последующим выкупом, возможно, льготным, полученных квадратных метров. Возможно, это повлечет не только рождение детей, но и создание новых молодых семей, увеличится число зарегистрированных официально браков. Предлагаемая программа социальной ипотеки для молодых семей ин-

интересна как для кредитных организаций, так и для застройщиков жилья, что в конечном итоге направлено на развитие экономики региона.

Властным структурам на федеральном и региональном уровнях важно понять, что, занимаясь молодыми семьями, оказывая им внимание и поддержку, они выполняют свою основную функцию и реализуют свое предназначение – работать на благо людей, на благо будущих поколений.

Библиографический список

1. Дроздова А.М. Права и свободы человека и гражданина в современном мире: коллективная монография. Гл. V /под общ. ред. Г.Б. Власовой. – Ростов н/Д: Фонд науки и образования, Наука-Спектр, 2016. – 319 с.

2. Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ (ред. от 28.03.2017) "О государственных пособиях гражданам, имеющим детей" (см.: статья 4.2. Порядок индексации и перерасчета государственных пособий гражданам, имеющим детей (введена Федеральным законом от 01.03.2008 № 18-ФЗ) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6659_/941b2f2038af9c7fec0e8b550883794380435e1a/; Приказ Минздравсоцразвития России от 23.12.2009 № 1012н (ред. от 04.05.2016) «Об утверждении Порядка и условий назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей» // <http://www.pravo.gov.ru>

3. Указ Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761 "О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы" // <http://base.garant.ru/70183566/#xzz4i0AhZnX>

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.»; Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года // <http://base.garant.ru/70727660/#xzz4htnvwsDG>

5. Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями). + Приложение. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. // <http://base.garant.ru/191961/#ixzz4htoGg6Xg>

6. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р) // <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70957260/#ixzz4htofnAxZ>

Э.В.Кузнецов*,
М.В.Михайлова**

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУКИ О ПРАВЕ В РОССИИ В XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Аннотация. В статье раскрываются истоки возникновения, становления, последующего развития науки о праве в истории российской правовой мысли, начиная с XI века. Особое внимание уделено естественно-правовой мысли, ибо настоящая оценка русской юриспруденции XV-XVII веков может быть дана лишь при условии рассмотрения ее в контексте общего состояния русской общественной жизни и в тесной связи с основными тенденциями развития русского права в указанный период. В статье отстаивается идея о том, что, сравнивая русскую юриспруденцию XV-XVII веков с юриспруденцией западноевропейских стран того же времени или рассматривая этот вопрос с позиций сегодняшнего дня, нужно учитывать, какие основные задачи перед ней стояли в данный период и как она эти задачи решала.

Ключевые слова: наука о праве, естественно-правовая теория, русское право, законоведение, законоискусство.

THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE SCIENCE OF LAW IN RUSSIA IN THE XIX EARLY XX CENTURIES

Summary. The article describes the origins of the origin, formation, subsequent development of the science of law in the history of Russian legal thought, starting with the XI century. Special attention is paid to natural law thinking, for a true assessment of the Russian law XV - XVII centuries can be given only by considering it in the context of the overall state of Russian public life and in close connection with the main tendencies of development of Russian law in the given period. The article defended the idea that comparing Russian law XV - XVII centuries with the jurisprudence of Western European countries the same time or to consider this question from the standpoint of today, you need to consider what are the main challenges for her was in this period, and how those problems are solved.

Keywords: science of law, natural law theory, Russian law, jurisprudence, legislation.

На развитие науки о праве в России в XIX - начале XX веков наряду с бесспорным воздействием зарубежных мыслителей оказали влияние и взгляды представителей отечественной юриспруденции. По словам Н.М. Коркунова, «русскому юристу стыдно не знать своих предшественников. Много или мало они сделали, мы должны знать. Да к тому же мы можем пожаловаться разве только на малое число людей, посвятивших себя научному изучению права, но никак не на их качество» [15]. Как от-

* Кузнецов Эдуард Вениаминович - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Президент Российской Ассоциации философии права (Санкт-Петербург).

** Михайлова Марианна Викторовна - преподаватель юридического факультета Санкт-Петербургского университета аэрокосмического приборостроения, адвокат Санкт-Петербургской центральной коллегии адвокатов.

мечал А.Благовещенский, познание отечественных законов состояло только в случайном знакомстве с существующими законами, в наружном искусстве прилагать их к встречающимся случаям и в наблюдении судебных форм и обрядов делопроизводства [11].

Основания естественно-правовых взглядов в России были заложены еще в период возникновения и развития раннего феодализма. Древняя Русь обладала самобытной и яркой культурой, в связи с чем развитие и расцвет русского государства не могли не сказаться на развитии права. «Слово о законе и благодати» Илариона (XI в.), «Повесть временных лет» Нестора (XI-XII вв.), «Поучение» Владимира Мономаха (XII в.), «Русская правда», «Слово о полку Игореве» (XII в.), «Моление Даниила Заточника» (XII-XIII вв.) и др. являются яркими примерами развития естественно-правовых идей.

Крупнейшими представителями формирования естественно-правовой мысли были: Андрей Курбский (1528-1583), Иосиф Волоцкий (1439-1515), Иван Пересветов (XVI в.), Иван VI Грозный (1530-1584), Федор Карпов (XVI в.), Матвей Башкин, Феодосий Косой (XVI в.) и др. В одном из первых политических трактатов Древней Руси «Слове о законе и благодати» Илариона центральная идея – «благодать» (свобода), по существу, противопоставляется «закону», который рассматривается как формальное предписание, навязанное извне.

В XVI веке, стремясь найти приемлемое «разрешение» противоречий между феодалами и крестьянами, Федор Карпов предлагал создать «правовые законы», которые регулировали бы различные людские интересы. Идея сильной княжеской власти, способной водворить порядок в стране, проводится в «Молении Даниила Заточника»: «Вода мати рыбам, а ты, княже, нам, людям своим...». Наконец, неповиновение власти, равенство всех людей проповедовал Феодосий Косой, утверждая, что все люди в равной мере произошли от бога.

Следует отметить, что общественной мысли Древней Руси были хорошо известны труды античных поэтов и философов. Вместе с христианством (988 г.) Русь восприняла и идеи античности. Так, в сочинениях Иоанна Дамаскина имеются многочисленные выдержки из Пифагора, Диогена, Сократа, Платона, Демокрита, Эпикура, Плутарха, Софокла.

Конец XV и начало XVI веков – время бурного развития философского знания в средневековой Руси, что связано в первую очередь с широким еретическим движением, охватившим всю страну и длившемся около 30 лет. Вопрос о философской культуре Руси этого периода должен основываться на изучении «Диалектики» Иоанна Дамаскина.

Митрополит Климент Солятича, «книжник и философ», равного которому трудно было найти кого-либо на Руси, в свое время подвергался упрекам в том, что, пренебрегая Священным Писанием, обращался к Гомеру, Аристотелю и Платону. Нужно отметить, что византийско-православное богословие значительно ослабило влияние античной культуры и философии на русскую мысль. В дальнейшем же под влиянием монголо-татарского ига не только была подорвана экономика страны, но и иссушена душа русского народа.

Лишь с падением монголо-татарского ига (1480 г.) и преодолением феодальной раздробленности происходят социально-экономические сдвиги в русском обществе. В 1497 году был подготовлен единый для всего Русского государства Судебник. Позднее появились и другие правовые кодексы – Судебник 1550 года, Стоглав 1551 го-

да, Судебник 1589 года, Уложение 1649 года, - отразившие создание общерусской правовой системы. С историко-юридической точки зрения Уложение представляет собой крупный шаг вперед в развитии феодального права не только в России, но и в Европе того времени.

Со слов П.Дегаля, Уложение 1649 года свидетельствует о значительной степени образованности русских юристов, если не в отношении формы (системы), то, по крайней мере, в обдуманности, точности юридических предметов и ясности их изложения [1].

Настоящая оценка русской юриспруденции XV-XVII веков может быть дана лишь при условии рассмотрения ее в контексте общего состояния русской общественной жизни и в тесной связи с основными тенденциями развития русского права в указанный период. Если сравнить русскую юриспруденцию XV-XVII веков с юриспруденцией западноевропейских стран того же времени или рассматривать этот вопрос с позиций сегодняшнего дня, то, действительно, можно прийти к выводу о ее незрелости. Но оценка русской юриспруденции будет иной, если подходить к ней с точки зрения того, какие основные задачи перед ней стояли в данный период и как она эти задачи решала. Поскольку главным содержанием политики московских государей начиная со второй половины XV века было объединение русских земель, создание и укрепление основ единого русского государства, на передний план выдвигались задачи создания единого для всей Руси права. Для этого нужна была систематизация законодательства, но систематизация особого рода. Речь шла не об организации правового материала по отраслям, а о сведении норм, содержащихся в различных правовых источниках, в единый общерусский судебник. Соответственно такой задаче русская юриспруденция должна была развиваться главным образом как совокупность практических навыков. Эти вопросы имеют большое значение для правильного понимания становления отечественной науки о праве. К сожалению, до сих пор они не получили достаточного освещения в историко-теоретических работах о русском праве.

Исходные положения доктрины естественного права были восприняты и определенным образом применены к условиям оформления абсолютной монархии Ф. Прокоповичем (1681-1736), В.Н. Татищевым (1686-1750), И.Т. Посошковым (1652-1726), М.В. Ломоносовым (1711-1765).

Будучи сторонником абсолютизма, Феофан Прокопович стремился сочетать положения Священного Писания с доводами школы естественного права. Его сочинения «Правда воли монаршей» послужило идейным обоснованием «просвещенного абсолютизма» в России. Обоснованная прежде всего рационалистическими доводами теория абсолютизма, изложенная Феофаном Прокоповичем, означала известный шаг вперед по сравнению с теологическими теориями власти государей, существовавшими в XVI-XVII веках.

Стремление доказать «естественность» подчинения власти монарха проявлялось в работах В.Н.Татищева. Человек, по его мнению, не может правильно пользоваться своей свободой, поэтому на него должна быть надета «узда неволи для его же пользы» [2]. Порядок в государстве должен определяться законом, который, как он отмечает, бывает естественным и положительным, то есть устанавливаемым государством; знание законов, по его мнению, должно быть обязательным для всех подданных государства. При этом он предлагал, чтобы закон был понятен всем, не содержал в себе противоречий и выполнялся беспрекословно.

О том, что государству следует руководствоваться естественным законом, писал М.В.Ломоносов. В отличие от Ф.Прокоповича, который полагал, что монарх стоит вне закона, М.В.Ломоносов считал, что закон непоколебим и все должны строго его исполнять, в том числе и монарх.

Интенсивное развитие естественно-правовых идей в России начинается с XVIII века. Перед русскими юристами в этот период стояли сложные задачи. На изучение права в России в XVIII веке существенное влияние оказали идеи естественного права, получившие широкое распространение на Западе в период буржуазных революций XVII-XVIII столетий. Это обстоятельство имело в целом прогрессивное значение, но само представление о естественном праве как выражении вечных и неизменных требований, с которыми должно считаться позитивное право, имело различные направления - от сочетания естественно-правовых идей с богословскими доводами и обоснования абсолютизма (Ф. Прокопович) до дореволюционного толкования этих идей и выступлений против монархии (А. Н. Радищев). Русской юридической мысли в этот период необходимо было подняться до уровня прогрессивного развития идей западноевропейских мыслителей. Достаточно вспомнить, что XVII и XVIII века дали миру таких выдающихся ученых, как Гуго Гроций, Гоббс, Локк, Спиноза, Лейбниц, Монтескье, Руссо, Кант и другие.

В данном случае, однако, речь идет не о «подражании» и не о «повторении» идей западноевропейских представителей науки русскими мыслителями, а о развитии - причем развитии интенсивном - отечественной науки, которая впитала в себя все лучшее, прогрессивное, но не остановилась на этом, а внесла свою значительную лепту в общий ход мирового прогресса.

«Наше отношение к западной науке, - писал Н.М. Коркунов, - можно сравнить с отношением глоссаторов к римской юриспруденции. И нам приходилось начинать с усвоения плодов чужой работы, и нам прежде всего надо было подняться до уровня иноземной науки. Но только наше положение было менее благоприятно, наша задача несравненно тяжелее, нежели задача, выпавшая на долю глоссаторов. Перед теми была наука, уже законченная, завершившая свое развитие, остановившаяся в своем движении. Им некуда было торопиться, некого было догонять. Совсем иным представлялось наше положение. Мы не могли, как они, спокойно работать над усвоением плодов определившей нас науки Запада. Наука - это наука живая. Она развивается с каждым днем, идет вперед... Тем не менее, в каких-нибудь полтора-два десятилетия мы почти успели наверстать отделявшую нас от западных юристов разницу в шесть с лишним столетий» [3, с. 233]. Узнав, что книга С. Пуфендорфа «Об обязанностях гражданина и человека» служит руководством при обучении правоведению во многих иностранных академиях, Петр I велел привезти и перевести ее на русский язык [4].

Нужно подчеркнуть, что основы русского правоведения были заложены отечественными университетами, поэтому история развития юридической науки в России, по существу, неотделима от истории развития этих университетов. При слабом развитии издательского дела в этот период основным источником познания права становились лекции, прочитанные профессорами университетов, людьми широких интересов и поистине энциклопедических знаний. С.Е.Десницкий, например, увлекался не только юриспруденцией, но и преподавал английский язык, переводил Шекспира [5].

Речи Десницкого представляют собой замечательный литературный памятник. Время их произнесения совпало с широким распространением идей естественного

права. Являясь последователем этого направления, в одной из них он говорит, что нравоучительная философия основана на четырех добродетелях: истине, премудрости, великодушии и воздержании. Эти добродетели излагаются «в подобной ей натуральной юриспруденции» [6, с. 17]. В те времена профессора знали по одной-двум речам, произнесенным на торжественных университетских актах, однако по силе влияния на своих учеников он был известен как крупный деятель юридической науки. Эти преданные служители науки, излагая в лекциях достижения западной юриспруденции, не могли не чувствовать внутренней потребности излагать и свои идеи, отражавшие особенности теории и практики отечественного правоведения.

На развитие правовой науки в России непосредственное влияние оказывали университеты в Петербурге, Москве, Харькове и Казани.

В 1725 году была основана Академия наук, а при ней - первый в истории Русского государства университет, где среди прочих предметов стали преподавать политику, этику и «право природы». Следует заметить, что профессорами академического университета были в основном иностранцы, читавшие курс права в соответствии с постулатами западноевропейской (а более точно - немецкой) юриспруденции. В университете преподавали Бекенштейн, Гросс, в числе их учеников были Антиох Кантемир и Штрубе - бывший секретарь Бирона, написавший несколько работ по естественному и русскому праву. Преемником Штрубе был Георг Федорович, лекции которого слушал Алексей Поленов, один из немногих русских преподавателей, подготовленных Академией наук.

В 1755 году был издан указ об учреждении Московского университета, которому суждено было сыграть значительную роль в истории нашего просвещения. А.Благовещенский отмечал, что Московский университет почти полвека один боролся с закоренелыми предрассудками и привычками к «приказному законничеству», воспитывал новорожденную науку законоведения. Поборниками нового направления в университете были Ф.Г. Дильтей, С.Е. Десницкий, И.А.Третьяков. Главным учебным предметом Дильтея было естественное право, которое он излагал в основном по Пуфендорфу. Из школы Дильтея вышли Десницкий и Третьяков. Это были первые русские профессора правоведения, получившие после окончания университета образование в Шотландии. Большое значение для истории русского правоведения имел Десницкий, которого справедливо можно назвать первым русским профессором права. Лекции, читавшиеся Десницким на русском языке, были посвящены отечественному праву и вызывали большой интерес у слушателей. Его современники говорили, что этой личности недоставало, пожалуй, лишь иностранного имени, чтобы занять место в одном ряду с Монтескье.

Десницкий одним из первых доказал необходимость всестороннего изучения права путем соединения философского, исторического и догматического методов и добивался того, чтобы законоведение преподавалось «порядком историческим, метафизическим и политическим».

Этот факт заслуживает особого внимания, если учесть, что в западной юриспруденции в то время еще и не помышляли о таком слиянии методов.

Представителем русского законоведения в этот период пришлось бороться с двумя негативными тенденциями: во-первых, с чрезмерной привязанностью к умозрениям немецких философов и с засильем иностранного законодательства; во-вторых, с нападками приверженцев старого приказного порядка. «Удивительно, - писал Десницкий, - что в России до сих времен никакого почти особого старания

отечественной юриспруденции прилагавшем не было» [6, с. 24]. Для преподавателей российской юриспруденции он предлагает во всех русских учебных заведениях ввести должность профессора. Излагая учение о естественной школе права, Десницкий подвергает критике взгляды отдельных ее представителей. Так, он пишет: «Пуфендорфов труд подлинно был излишним, ибо писать о вымышленных состояниях рода человеческого, не показывая, каким образом собственность, владение, наследство и пр. у народов происходит и ограничивается, есть такое дело, которое не совсем соответствует своему намерению и концу» [6, с. 20].

По его мнению, содержание юриспруденции заключается в четырех частях: во-первых, «о происшествии правлений в разные веки и у разных народов»; во-вторых, «о правах, происходящих в обществе, от различного состояния и знания людей»; в-третьих, «о правах, происходящих от различных и взаимных дел между обывателями»; в-четвертых, «о полиции или благоустройстве гражданском» [6, с. 20].

Как видно, в основе этих рассуждений лежат взгляды о естественном праве Гроция, к учению которого Десницкий относился с большим почтением, высоко отзываясь о его работе «О праве войны и мира». «Гроций, - писал он, - по-видимому, был первым из ученых, который издал в свет нечто подобное натуральной юриспруденции. Его книга о мире и войне со всем ее недостатком и несовершенством может стать до сих времен есть наилучшая система юриспруденции, какую только ещё свет видел» [6, с. 18]. Однако речи Десницкого никогда не были простым пересказом идей западных идеологов. В них чувствуется самостоятельная работа, встречаются примеры и доводы, заимствованные из русской жизни. Десницкий принимал тезис просветителей о естественных неотчуждаемых правах человека, вместе с тем он отвергал схоластические построения школы естественного права. Государство, по его мнению, возникло не в результате общественного договора, а как результат появления частной собственности и разделения людей на богатых и бедных.

Современником Десницкого и приверженцем естественно-правовых взглядов был В.Т. Золотницкий. Его работа «Сокращение естественного права, выбранное из разных авторов для пользы российского общества», написанная в 1764 году, была поистине первенцем русской юридической литературы. «Естественное право, - писал он, - есть знание натуральных законов в первостепенном натуральном состоянии наблюдаемых, так и действий и случаев, относящихся к оным» [7, с. 2]. Он исходил из того, что из естественного права происходят все «натуральные законы», а первый из них, на котором основаны остальные, заключается в следующем выражении: «Из многих действий, состоящих в твоей власти, избирай то, что полезнее и честнее» [7, с. 9-10]. Естественное право служит своего рода мерилем действий людей и законов, создаваемых государством. Так, он считал, что «польза естественного права состоит в том, что мы, сравнивая начало оного с человеческими действиями, можем узнать, которые с оными сходственны и которые не сходственны: а через сие всякие несогласия в обществе решить будем в состоянии» [6, с. 2].

Идеи Десницкого о праве были восприняты и другим видным представителем русского правоведения - З.А.Горюшкиным. Как и Десницкий, он доказывал, что недостаточно одного практического знания и для России вредно преувеличивать значение иностранного законодательства. В 1811-1816 годах им был подготовлен оригинальный труд «Руководство к познанию Российского законоискусства». По словам Коркунова, воззрения Горюшкина на право отличаются строгим позитивизмом. Эта тенденциозная оценка, на наш взгляд, не может быть признана верной, поскольку

кроме положительного права Горюшкин признает «право человеческое», выделяя право естественное и общественное.

Горюшкин прошел суровую школу жизни и хорошо знал порядки, существовавшие тогда в судебной практике. Обладая незаурядными способностями и стремлением к самостоятельному суждению, он внес свой вклад в дальнейшее развитие отечественной науки о праве. Под единственным правом им понимались «установления, согласны с существом человеческим. Понеже о естестве человеческого можно рассуждать трояким образом, а именно:

1. Человек представляется простым телом, подобным вещам неисчислимого множества, находящимся в свете (право на тело).

2. Существом живым, из тела и духа составленным, сходственным с прочими животными (право жизни).

3. Существом разумным, особенно человеку присвоаемым (право разума)» [8, с. 81].

Подразделяя естественное право на право тела, жизни и разума, он дает следующие разъяснения этим частям единого понятия: «К праву тела относятся все законы, принадлежащие для сохранения нашего телесного состава. Вследствие чего строжайше запрещается:

1. Делать вред своему телу и лишать себя членов.
2. Претворять себя больным.

Право жизни содержит в себе все законы, относящиеся для безвредного сохранения оной. Самосохранение, будучи первейшим предметом жизни, вмещает в себя законы: запрещающие самоубийство, позволяющие права собственной обороны и снискания пропитания, но в прочем сказать можно, что право жизни, содержащее в себе все естественные человеческие побуждения, распространяется до самолюбия, умножения своего рода, любви к детям и родителям, желания приятных наслаждений, отвращения болезненных ощущений.

Право разума есть свобода рассуждать обо всём по правилам благоразумия и выводить заключения, следующие из оснований, сомнению не подверженных. Право сие в обширном смысле вмещает всё то, что может относиться к благосостоянию всех и каждого» [8, с. 82].

В качестве источника права Горюшкин называет «народное умствование» и в связи с этим не считает законодательство единственной формой права. Кроме законодательства им признается существование словесных законов, выраженных в пословицах. Так, в своей книге «Описание судебных действий» он приводит ссылку на указ 1720 года об издании морского устава, где говорится, что одно войско сухопутное иметь, значит одну руку иметь, а если иметь ещё и флот, то обе руки иметь.

Надо отметить, что источником права в XVIII веке зачастую признавался только закон. Лишь во второй половине XVIII века наблюдается стремление применить закон с «народным умствованием» [9].

В первые же годы XIX столетия происходит дальнейшее оживление в разработке правовой науки. Это прежде всего связано с именем видного русского юриста А.П.Куницына, преподававшего естественное право в Петербургском университете. Известно, что свою педагогическую деятельность он начал в Александровском лицее в 1811 году.

В 1818 году вышла в свет книга Куницына «Право естественное», которая вызвала отрицательную реакцию правительственных органов. Коркунов приводит вы-

держку из резолюции на эту работу главного управления училищ: «По рассмотрению в главном управлении училище, найдено нужным, но приятным в сей книги за основания ложным началом и выводимому из них весьма вредному учению, противоречащему истинам христианства и клонящемуся к ниспровержению всех связей семейственных и государственных, книгу сею, как вредную, запретить повсюду к преподаванию по ней, и притом принять меры к прекращению во всех учебных заведениях преподавания естественного права по началам, столь разрушительным, каковые оказались в книге г. Куницына» [3, с. 295-296]. Автор книги был изгнан из университета и лица. Каковы же были воззрения Куницына на право? Являясь последователем Канта, он рассматривал право как часть нравственной философии. «Нравственная философия есть наука, излагающая законы предписываемые воле разума... Нравственная философия разделяется на две части. В первой излагаются законы внутренней свободы, которая называется собственно нравоучением. Во второй предлагаются законы права, которая потому и называется правоучением или просто правом» [10, с. 5-6].

Для отличия от положительных законов, «основанных на произволе законодателя», Куницын предлагал нравоучение называть естественным, поскольку оно «излагает законы, выводимые из природы разума человеческого».

Стремясь уточнить понимание «естественного права» и устранить двойственное его толкование, он писал: «Слово естественно, присоединенное к праву, закону и разуму, вводит некоторых в заблуждение по своей двоязначности: иногда значит одно и то же, что и первоначальный, первобытный, иногда природный, врожденный. В правоучении оно употребляется последним значением. Поэтому следовало говорить: природное право, природное состояние, природный закон, природный разум и прочее, но, принимая название «естественный» в первом значении, многие думают, что право естественное есть собрание правил, которым люди следовали в первобытном состоянии дикости, что состояние естественное есть состояние людей без общественного соединения, в котором царствовало самоуправство, что закон есть выражение правил, коими люди руководствовались в первобытном состоянии, и что разум естественный есть необразованный смысл дикого сына природы» [10, с. 5]. В естественном праве Куницын различал «право чистое» и «право прикладное». «Чистое право занимается разрешением следующих двух вопросов: 1) Какие права принадлежат человеку по одной только его природе? 2) Какие права сверх того могут люди приобрести и соединить с правами, непосредственно из природы проистекающими?»

Прикладное право занимается приноровлением положений чистого права к известным отношениям людей, но так как сии отношения многообразны, то из оных избираются в нравоучении только те, которые необходимо служат к сохранению внешней свободы людей. Таковы суть общество семейное и государство» [10, с. 7-8].

Нравоучения, политика, положительное право имеют много общего с естественным правам. Однако между ними есть и различия. Одно из таких различий между нравоучением и естественным правам по Куницыну - это то, что «нравоучение имеет предметом внутреннюю свободу человека, а право внешнюю» [10, с. 10]. Под политикой он понимал учение «о благонадежных средствах к достижению целей государства».

«Положительные узаконения проистекают от произвола и соглашения граждан между собой или от воли верховного властителя в государстве; законы права есте-

ственного проистекают из общих начал разума» [10, с. 12-13]. При этом главным руководством для законов положительных служит «начало права естественного».

Им делается различие между философией положительного права и естественным правом. «Философия положительного права и есть соображение законов положительных с общими началами права и видами, каковыя законодатель имел при создании оных. Следовательно, она прикосновенна с правом естественным в том, что употребляет общие положения оною для исследования справедливости положительных законов какого-либо государства. Но при сем исследовании обращает внимание также на отношения народов физические, нравственные и политические и рассматривает оные началом политики. Посему философия положительного права есть также наука опытная, чем особенно и отличается от права естественного» [10, с. 14].

Таким образом, считает он, познание естественного права необходимо исследователям положительных законов для определения их справедливости.

Формальное начало права им определяется так: «Человек имеет право на все деяния и состояния, при которых свобода других людей по общему закону разума сохранена быть может» [10, с. 34].

Развитие отечественной науки о праве в XVIII - начале XIX веков происходило не столь быстро. «В последние десятилетия XVIII века в области законоведения заметно было особенное влияние французской литературы: явилось множество переводов юридического и политического содержания, сделанных с французского. Однако для успеха науки Российского законоведения они не имели никакой пользы» [11]. Требовалось не только и не столько усвоение западноевропейской юриспруденции, но и научное осмысление социально-экономических и политических факторов, определявших в конечном счете формирование теоретических основ русского правоведения.

В XVIII веке идеи естественного права получают свое развитие в России (В.Т.Золотницкий, С.Е.Десницкий, А.П.Куницын). Они органически вписали в себя достижения в этой области предшествующей правовой мысли. Вместе с тем в них нашли свое отражение результаты научного анализа, поиски и суждения представителей русского правоведения. Вопреки утверждениям буржуазных юристов о «слабости юридических традиций в России» русская правовая наука того периода не только успешно воспринимала передовые идеи западноевропейских мыслителей, но и вносила свою лепту в их развитие. В связи с этим выглядит тенденциозным и безосновательным высказывание Рене Давида: «... следует подчеркнуть... слабость юридических традиций и чувства права в России. Важна не юридико-техническая отсталость русского права и не тот факт, что русское право не было полностью кодифицировано. Важно порожденное различием исторического развития разное отношение к праву в России и других европейских странах. Во всей континентальной Европе, также как и в Англии, право рассматривается как естественное дополнение морали и как одна из основ общества. Этого нельзя сказать о России. До недавнего времени в России не было юристов: первый русский университет - Московский - был создан только в 1755 году, Петербургский университет - в 1802 году. Русская юридическая литература появилась только во второй половине XIX века» [12]. Во-первых, необходимо уточнить несколько произвольное толкование юридических фактов: датой основания Петербургского университета считается 8 февраля 1819 года, в 1803 - 1804 годах были утверждены уставы уже действовавших Виленского, Дерптского и Московского университетов и вновь создаваемых Харьковского и Казанского [13]. Первая Академия наук в России, как уже отмечалось, а при ней первый в истории русского государ-

ства университет, где преподавали и естественное право, была основана в 1725 году. Во-вторых, вопросам кодификации в России всегда уделялось большое внимание. Первое же издание свода законов в 15 томах, содержащее в хронологическом порядке законодательные акты от Соборного уложения 1649 года, вышло в 1832 году. Было еще два полных издания - в 1842 и 1857 годах. В 1882 году был составлен 16-й том Свода законов, включающий вопросы судостроительства и судопроизводства [14].

Наконец, что касается второй половины XIX века в России, то речь должна идти не о появлении первой русской юридической литературы, а о создании фундаментальных трудов по теории права, которые признавались лучшими среди существовавших.

Библиографический список

1. *Дегай П.* Пособия и правила изучения Российских законов. – М., 1831. – С. 119.
2. *Татищев В.Н.* Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ. – М., 1887. – С.140.
3. *Коркунов Н.М.* История философии права. – М., 1909. – 508 с.
4. С.Пуфендорф (1632-1694) – видный представитель естественной школы права в Германии в XVII веке.
5. В своей работе по истории права Н.М. Коркунов приводит выдержку из монолога Гамлета в переводе С.Е. Десницкого, которая свидетельствует о литературном таланте последнего (см.: *Коркунов Н.М.* История философии права. – М., 1909. – С.248). Следует заметить, что многие видные русские юристы отличались широтой взглядов, были переводчиками, литераторами, художниками. Сам Н.М.Коркунов, как известно, писал стихи. В 1899 г. вышел сборник его стихов. Большой роли, которую сыграли юристы в искусстве, литературе, посвящена интересная работа А.И. Алексеева (см.: *Алексеев А.И.* Искание правды. – М., 1980. –136 с.).
6. *Десницкий С.* Слово о прямом и ближнем способе к научению юриспруденции. – М., 1768. – 51 с.
7. *Золотницкий В.* Сокращение естественного права: выбранное из разных авторов для пользы российского общества. – СПб, 1764. –148 с.
8. *Горюшкин З.* Руководство к познанию Российского законоискусства. – М., 1811. – С. 1 - 2, VII - XX, 349 - 858, 1 - 6, л. черт. 1.
9. Даже один из Наказов Екатерины рекомендует «воздерживаться от узаконений... с общим народом умствованием несовместимых» (см.: *Обзор истории русского права.* – СПб, 1900. – С. 281).
10. *Куницын А.* Право естественное. – СПб, 1818. – 135 с.
11. *Благовецкий А.* История и метод науки законоведения в XVIII в. // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб, 1835, апрель. – С. 47.
12. *Давид Р.* Основные правовые системы современности. – М., 1988. – С. 157.
13. См.: История Ленинградского университета. – Л., 1969. – С. 13,19 (По существующей традиции 8 (20) февраля 1819 года является датой основания Ленинградского университета. В литературе, однако, называются и такие даты: 1724 г., 1747 г., 1786 г. Но нигде не говорится о том, что он был основан в 1802 году).
14. См.: *Трубецкой Е.Н.* Лекции по энциклопедии права. – М., 1913. – С. 128-130.
15. *Коркунов Н.М.* История философии права: пособие к лекциям. – СПб, 1896. – С. 232.

А.В.Кученев*

МЕСТО И РОЛЬ ПРАВОВЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И УСТАНОВОК В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ СОТРУДНИКА ФСИН РОССИИ

***Аннотация:** В работе рассматривается один из векторов формирования профессионального правосознания при осуществлении должностных обязанностей сотрудником Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России), предполагающих участие в процессах правотворчества и правоприменения на основе применения ценностного (аксиологического) методологического инструментария, который имеет исключительное значение, поскольку он трансформирует правовые знания (рациональные элементы) в правовые убеждения и ценности (эмоциональные элементы). Они же, в свою очередь, образуют сложные поведенческие элементы - правовую ориентацию и правовые установки.*

Обращается внимание на некоторую специфичность направленности правовых установок, формируемых в ходе осуществления должностных обязанностей в системе ФСИН России, предлагается их собственный анализ. Небезынтересной видится идея о дифференциальном подходе к применению права, раскрывающая систему рациональных, эмоциональных и волевых компонентов профессионального правосознания.

Автор проводит социологическое исследование для обоснования своих теорий и предлагает ознакомиться с его результатами, обозначенными в заключении работы.

***Ключевые слова:** антикоррупционная политика, государственная политика, законность, правовая ориентация, правовые установки, профессиональное правосознание, коррупция, общественные отношения, поведение, правосознание, справедливость, сотрудник ФСИН России, убеждение.*

PLACE AND ROLE OF LEGAL ORIENTATION AND PLANTS IN THE FORMATION OF PROFESSIONAL WORKER CONSCIOUSNESS FSIN RUSSIA

***Summary.** This paper deals with one of the vectors of formation of professional sense of justice in the exercise of official duties the employee FSIN of Russia, are expected to participate in the processes of making and provoprime-niya, based on the application of value (axiological) methodological tools, which is of paramount importance, since it transforms the legal knowledge (rational elements) in legal beliefs and values (emotional elements). They, in turn, form a complex behavioral element - legal orientation and installation, pay attention*

* *Кученев Андрей Владимирович*, адъюнкт кафедры теории государства и права, международного и европейского права Федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России). E-mail: KuAV64@mail.ru

Kuchenev Andrey Vlademirovich, adjunct of the cathedra of theory of state and law, international and European law the Academy of the FPS of Russia Scientific specialty.

to some specific directions of legal units, formed in the course of official duties in the system FSIN of Russia, offered their own analysis. Uninteresting sees the idea of a differential approach to the application of the law, revealing the system of rational, emotional and volitional components of professional sense of justice. The author carries out sociological research to substantiate their theories and offers to get acquainted with its results, indicated in the conclusion of the work.

Keywords: *anti-corruption policy, public policy, laws and legal guidance, legal setup, professional sense of justice, corruption, social relationships, behavior, sense of justice, fairness, employee FSIN Russia, belief.*

В ходе исполнения должностных обязанностей сотрудником ФСИН России поступает максимальное количество информации, при обработке которой он обязан принять определенное решение, основываясь на своем профессиональном правовом сознании. Результат выработки решения всегда ориентирован на формирование одной из альтернатив возможного поведения, которое в активном или пассивном виде должно проявиться в объективной реальности. Под правовым сознанием следует понимать систему социальных связей и отношений людей, обусловленных экономическими и социокультурными отношениями, политическими и культурными интересами, которая выступает мерилем уровня правосознания, в свою очередь формирующая потребности и мотивирующая поведение индивидов [3, с. 112-116].

Рассмотрим один из векторов формирования профессионального правосознания при осуществлении должностных обязанностей, предполагающих участие в процессах правотворчества и правоприменения, на основе применения ценностного (аксиологического) методологического инструментария, который имеет исключительное значение, поскольку он трансформирует правовые знания (рациональные элементы) в правовые убеждения и ценности (эмоциональные элементы). Они же, в свою очередь, образуют сложные поведенческие элементы - правовые ориентацию и установки, предопределяющие в значительной мере психологическое состояние готовности субъекта к юридической деятельности, то есть к реализации правовых знаний, убеждений и т.д., к правовой активности в целом. Этим и обусловлена важность поведенческо-регулятивного (практического) уровня профессионального правосознания.

Вопрос выработки правовых ориентации и установок, предопределяющих в значительной мере психологическое состояние готовности субъекта к юридической деятельности, то есть к реализации правовых знаний, убеждений и умений, выступает немалозначимым вектором силы в продвижении профессиональной активности. Принимая за истину идеи доцента А.Г.Самусевич, определяющие процесс трансформации правовых знаний (рациональные элементы) в правовые убеждения и ценности (эмоциональные элементы), которые образуют общепринятые сложные поведенческие элементы- правовые ориентацию и установки, предопределяющие в значительной мере психологическое состояние готовности субъекта к юридической деятельности, то есть к реализации правовых знаний, убеждений и т.д., к правовой активности в целом, акцентируем внимание на важности поведенческо-регулятивного (практического) уровня профессионального правосознания [4, с. 270-274].

По нашему мнению, в профессиональном правосознании правовые установки так же, как и правовые знания, являются специализированными. Это связано с тем, что правовые установки:

1) имеют ярко выраженный осознанный характер, так как основываются на специализированных правовых знаниях, компетенции, а также на положительных правовых ценностно-оценочных отношениях;

2) выполняют регулятивную функцию относительно осуществления субъектами своей профессиональной юридической деятельности;

3) образуются в процессе специальной правовой подготовки и юридической практики;

4) обеспечивают стойкую готовность субъекта к юридической деятельности в целом и к определенным ее видам.

При этом, по мнению ряда ученых, в частности В.А. Сапуна [5, с. 81-84], готовность к применению норм права как внутренний потенциал правовой установки складывается из следующих относительно устойчивых рационально-эмоционально-волевых компонентов профессионального правосознания:

1) рациональные компоненты - специализированные правовые знания, а именно: знание особенностей массового правосознания и правосознания правонарушителей, преступников; понимание субъектом юридической деятельности своих прав и обязанностей, полномочий, целей и задач правоприменительной практики; знание юридического инструментария (приемов, средств) и умение их применять в правоприменительной практике; представления о правилах принятия правовых решений и о возможных ситуациях изменения обстановки при их принятии и т.д.;

2) эмоциональные компоненты: отрицательное отношение к нарушению закона; положительная оценка права, правовых институтов, действующего законодательства и т.п.; убежденность в необходимости строгого соблюдения принципа законности в правоприменительной практике; формирование на уровне привычки необходимости уважения прав и свобод человека и гражданина, использования законных средств и методов при осуществлении правоприменительной практики; объективная оценка своей профессиональной деятельности, отношение к ней как к престижной, вера в социально значимые результаты правоприменительной практики, в возможность достижения целей правового регулирования в целом;

3) волевые компоненты: внутренняя, личностная потребность в применении норм права в соответствии с правовой компетенцией, независимо от целесообразности, интересов службы и т.п.; проявление интереса к праву, практике его применения, к достижениям юридической науки, стремление использовать все правовые средства в достижении целей правового регулирования; внутренне осознанный долг и ответственность за результат правоприменительной практики; мобилизация воли на решение стратегических и тактических задач на отдельных стадиях правоприменительного процесса (установление юридического факта, закрепление и оценка доказательств, избличение правонарушителя, преступника и т.д.); способность преодолевать оборонительную доминанту обвиняемого (подозреваемого) и иные проявления внешнего воздействия при формировании внутреннего убеждения в процессе принятия правовых решений, устранять возникающие при этом противоречия; мобилизация интеллектуального потенциала при принятии правовых решений в сложных ситуациях и т.д.

Таким образом, соглашаясь с мнением А.В. Грошева, можно утверждать, что правовая установка является связующим звеном между юридической деятельностью и профессиональным правосознанием [2, с. 18].

Правовые установки в совокупности складываются в правовые ориентации юристов-профессионалов, которые представляют функциональную сторону профес-

сионального правосознания с позиций общей направленности субъекта юридической деятельности на достижение целей правового регулирования [1, с. 151].

Правовые ориентации прежде всего определяют приоритеты в юридической деятельности, чем оказывают воздействие как на применение правовых норм, так и на развитие законодательства в целом. Например, приоритетным направлением современной уголовной политики становится всесторонняя уголовно-правовая защита законных прав и интересов личности. Это, в свою очередь, и предопределяет формирование соответствующих ценностных ориентаций в профессиональном правосознании юристов-профессионалов (следователей, судей, прокуроров, адвокатов и т.д.).

Кроме того, учитывая, что в профессиональном правосознании реализация норм права осуществляется по определенному плану (алгоритму), имеющему свои как тактические цели и задачи (например, раскрытие преступления и т.п.), определяемые правовыми установками, так и стратегические цели правового регулирования (например, восстановление справедливости, законности и т.д.). Можно утверждать, что действие правовых ориентаций носит программный характер.

Правовые ориентации также дают возможность субъекту юридической деятельности прогнозировать не только развитие конкретной проблемы реализации правовой нормы и, как следствие, поиска адекватного выбора методологии и методики ее решения, но и осуществлять решение задач по прогнозу развития правовых отношений в целом и достижения целей правового регулирования на основе комплексного использования системы правовых норм, принципов и институтов более сложного порядка. Например, именно ценностные ориентации субъекта юридической деятельности позволяют достигать цели правового регулирования путем правильного выбора форм реализации юридической ответственности, следовательно, действие правовых ориентаций носит также прогностический характер.

Здесь уместно привести результаты ответов участников социологического исследования о целесообразности соблюдения законов. Так, на вопрос: «Считаете ли Вы, что законы необходимо исполнять во всех случаях?» - значительное большинство сотрудников ФСИН России (67%) указали на необходимость соблюдения в России законов. При этом 20% опрошенных сказали, что в России законы можно и не соблюдать. 1% респондентов указал на то, что в России законы вообще не следует соблюдать. 12% затруднились с ответом.

Таким образом, результаты опроса говорят о том, что сегодня у большинства сотрудников ФСИН России выработаны устойчивые правовые установки на необходимость соблюдения закона. Но не может не настораживать тот факт, что у 1/3 опрошенных сотрудников наблюдаются предпосылки появления такой формы деформации профессионального правосознания, как правовой нигилизм и правовой инфантилизм (отрицательное или пренебрежительное отношение к букве закона).

В этой связи интересным представляется видение анкетированных путей минимизации коррупционного поведения, которые представляют собой законодательно закрепленную основу одного из путей реализации политики государства. Так, в ходе социологического исследования сотрудникам ФСИН России был задан вопрос: «Выберете мероприятия из списка, которые, по Вашему мнению, являются наиболее эффективными в законной реализации минимизации коррупционного поведения?». Заведомо респондентам было предложено выбрать всего три направления. (Формирование необходимого уровня правового сознания в обществе; трансформация за-

Теория государства и права

конодательства; активизация всеобщего участия в функционировании правовой действительности.) Места распределились следующим образом:

✓ совершенствование правовой информированности и правового воспитания граждан - 52,7%;

✓ обеспечение неотвратимости наказания за коррупционное либо коррупционное поведение, имеющее признаки правонарушения либо преступления - 47,8%;

✓ повышение возможности участия граждан в деятельности по контролю, оценке и регулированию деятельности государственных структур - 31,9%.

Таким образом, в наиболее общем виде правовые установки и, как следствие, правовые ориентации юристов-профессионалов можно свести к следующим:

- отношение к человеку как к высшей ценности, уважение и защита его прав и свобод, чести и достоинства в соответствии с международными правовыми нормами и принципами, а также общечеловеческими моральными принципами гуманности и справедливости;

- глубокое понимание социальной значимости своей роли, своей ответственности перед личностью, обществом, государством как представителя правоохранительной системы, от действий которого в значительной степени зависит их безопасность и защищенность;

- принципиальность, бескомпромиссность в борьбе с правонарушениями и преступлениями, объективность и непредвзятость в принятии решений;

- использование предоставленных сотруднику законом прав (властных полномочий) профессионально, грамотно, разумно, гуманно, в соответствии с принципами моральной и юридической справедливости, гражданского, профессионального (служебного) и нравственного долга;

- необходимость высокого профессионального мастерства и, как следствие, постоянное совершенствование правовых знаний, профессиональных умений и навыков, расширение интеллектуального кругозора, творческое освоение необходимого в службе опыта отечественных и зарубежных правоохранительных органов, современных достижений юридической науки;

- безупречность личного поведения как на службе, так и в быту, честность, неподкупность, забота о профессиональной чести, достоинстве, репутации;

- дисциплинированность, исполнительность и разумная, объективно обоснованная инициатива, профессиональная солидарность, взаимопомощь, поддержка, морально-психологическая готовность к действиям в экстремальных ситуациях, самоотверженность, смелость и способность к разумному риску в ходе выполнения профессиональных (служебных) задач.

Опираясь на собственный опыт, отметим, что особое значение в повседневной деятельности сотрудников ФСИН России имеет юридическая практика, проявляющаяся в наиболее сложной структуре элементов правовой психологии профессионального правосознания в системе ценностно-оценочных отношений. Они представляет собой систему оценок, мнений, суждений и представлений, которые выражают отношение юристов-профессионалов к разного рода социально-правовым явлениям с точки зрения профессиональных целей, потребностей, мотивов и интересов в сфере юридической деятельности. Применение ценностного (аксиологического) аспекта профессионального правосознания в осуществлении юридической деятельности имеет исключительное значение, поскольку он трансформирует правовые знания (рациональные элементы) в правовые убеждения и ценности (эмоцио-

нальные элементы). Последние же, в свою очередь, образуют сложные поведенческие элементы - правовые ориентации и установки, предопределяющие в значительной мере психологическое состояние субъекта юридической деятельности, позволяющее разрешать юридические казусы, выработать и принимать правовые решения и т.д.

Также хотелось бы отметить, что именно структура и функции профессионального правосознания показывают его социальную роль в жизни общества, роль и место субъектов юридической деятельности в правовом регулировании и позволяют более полно и объективно познать правовую действительность, определить место и роль в ней сотрудника ФСИН России. Учитывая, что профессиональное правосознание представителей различных групп юристов-профессионалов специализируется на применении лишь конкретных групп правовых норм и институтов, в качестве главных элементов правовой идеологии профессионального правосознания следует считать специализированные правовые знания. Так как применение норм права всегда сопровождается определенным эмоциональным состоянием субъекта юридической деятельности, то помимо правовой идеологии в структуре профессионального правосознания юриста выделяется правовая психология. В свою очередь, она является разновидностью социальной психологии, складывается из правовых взглядов, настроений, чувств, переживаний, устремлений, порожденных особенностями юридической деятельности, и характеризует отношение юриста-профессионала к праву, законности, различным правовым ситуациям.

Библиографический список

1. *Бондарев А. А.* Профессиональное правосознание государственных и муниципальных служащих: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 151.
2. *Грошев А. В.* Профессиональное правосознание сотрудников органов внутренних дел: понятие, функции, проблемы формирования: учебное пособие. Екатеринбург, 1995. С. 18.
3. *Кученев А.В.* Современное понимание и структура правосознания //Вестник Российского университета кооперации. 2016. № 4(26). С.112-116.
4. *Самусевич А.Г.* Правосознание правоприменителя: структурно-функциональный анализ // Вестник ИрГТУ. 2014. № 5 (88). С. 270-274.
5. *Сапун В.А.* Социалистическое правосознание и реализация советского права: учеб. пособие / В.А. Сапун. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1984. – 112 с.

Б.А.Ревнов*

ДЕЙСТВИЕ ПРИНЦИПА ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ

Аннотация. В статье раскрываются понятие и структура оценочных понятий в законодательстве Российской Федерации, а также анализируются особенности действия на такие понятия общеправового принципа правовой определенности. Исследуются некоторые характерные проблемы, связанные с использованием законодателем оценочных понятий.

Ключевые слова: оценочные понятия, принцип правовой определенности, правовая неопределенность, произвольное применение закона.

THE PRINCIPLE OF LEGAL CERTAINTY IN THE APPLICATION OF VALUATION CONCEPTS

Summary. The article reveals the concept and structure of the evaluation concepts in the legislation of the Russian Federation, and also analyzes the peculiarities of action on such notions of the General legal principle of legal certainty. Investigates some characteristic problems associated with the use by the legislator of evaluative concepts.

Keywords: evaluative concepts, the principle of legal certainty, legal uncertainty, arbitrary application of the law.

Конституция Российской Федерации, определяя Россию в качестве правового и демократического государства, устанавливая принцип всеобщего равенства перед законом и судом, а также естественную возможность ограничения законом прав и свобод человека и гражданина, не допускает, однако, их отмены или умаления, даже в том случае, если таковые необходимы для защиты конституционно-значимых ценностей [1]. Общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями [2, с. 190; 24, с. 56-58].

Подобный подход также закреплен и на международном уровне: из установленного Конвенцией о защите прав человека и основных свобод стандарта законности выводится императив определенности национального законодательства из диктуемого общим принципом верховенства права. В частности, Европейский суд по правам человека неоднократно указывал, что правовая норма должна быть сформулирована с достаточной степенью четкости, чтобы заинтересованные лица могли, получив при необходимости юридическую консультацию по делу, предвидеть в разумных пределах те последствия, которые способны повлечь их действия. Закон,

* *Ревнов Борис Александрович*, доцент кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: akziz07@ya.ru

Revnov Boris Alexandrovich, associate Professor of Department of Constitutional and Administrative law of Law Institute, Saint-Petersburg, candidate of Law. E-mail: akziz07@ya.ru

предоставляя широкую свободу оценки, не вступает в противоречие с этим требованием при условии, что пределы усмотрения, predeterminedные правомерной целью, ради которой он издан, указаны достаточно ясно с тем, чтобы обеспечить адекватную защиту индивида от произвольного вмешательства [3].

Отсутствие единообразного понимания нормы в конечном итоге может привести к нарушению гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина и, следовательно, к неопределенности в вопросе о том, соответствует ли подобная норма Конституции Российской Федерации. Данный факт, в свою очередь, является основанием к рассмотрению дела в Конституционном Суде Российской Федерации [4], который также неоднократно указывал на необходимость соблюдения принципа правовой определенности правовых норм [5].

Неопределенность содержания правовой нормы, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу, а значит – к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона [6]. Из этого следует, что действующие правовые нормы должны быть четкими и понятными [7] и не должны содержать в себе неопределенность, ведущую в том числе к их произвольному толкованию.

Содержание и смысл требования определенности, с учетом конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, получили развитие и конкретизацию в решениях Конституционного Суда Российской Федерации применительно к различным правовым ситуациям. Определенность требует согласованного правового регулирования общественных отношений: противоречащие друг другу правовые нормы порождают и противоречивую правоприменительную практику, возможность произвольного их применения ослабляет гарантии государственной защиты конституционных прав и свобод [8]. Как следует из практики Конституционного Суда Российской Федерации, принцип правовой определенности предполагает установление ясных, четких правил привлечения к юридической ответственности [9], четкого определения законом подсудности дел [10]. Определенность распространяется также на институт дифференциации [11] – установления юридических различий в соответствии с существенными объективно обусловленными обстоятельствами, – критерии которой должны отвечать требованию ясности, четкости и недвусмысленности правовых норм [2, с. 191-192].

Вместе с тем универсальный принцип правовой определенности не означает наличие одного-единственного законного варианта поведения, без возможности свободы выбора. Это означает, что в некоторых случаях правовые нормы предоставляют возможность различной степени интерпретации их концептуального содержания, в большей степени ориентируя на систему ценностей правоприменителя, и формирования на основе этого отдельного смысла. Наиболее наглядно этот феномен прослеживается при использовании законодателем в конструкции правовых норм оценочных понятий.

Действующее нормативное регулирование не содержит легального определения термина «оценочные понятия». Не вдаваясь в дискуссию о правовой и не только природы такого явления, как «оценочное понятие», полагаем возможным согласиться с наиболее общей его дефиницией, согласно которой это относительно определенное положение, сформулированное в правовой норме путем указания наиболее общих признаков, свойств, качеств, связей и отношений разнообразных предметов, явлений, действий, процессов, предусматривающее в рамках содержательных кри-

териев, установленных законодателем, самостоятельную оценку правоприменителем поведения в конкретной ситуации в данной социальной среде и в данное время с учетом внутреннего убеждения [12].

Само по себе использование в норме оценочных понятий не свидетельствует о неопределенности содержания такой нормы. Разнообразие фактических обстоятельств делает невозможным закрепление на законодательном уровне их исчерпывающего перечня, а использование законодателем оценочной характеристики преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций [13]. Наличие в системе действующего правового регулирования оценочных понятий, позволяющих судам применять ту или иную норму права в зависимости от конкретных обстоятельств дела и с учетом специфики определенных общественных отношений, призвано обеспечить права и интересы субъектов права [14]. При этом, хотя и для решения споров на основе законоположений, в которых законодатель использует в рамках конституционных предписаний оценочные понятия, в наибольшей мере предназначена именно судебная власть, действующая на основе принципов самостоятельности, справедливого, независимого, объективного и беспристрастного правосудия [15], толкование таких понятий возможно любым правоприменителем.

В связи с изложенным возникает вопрос о том, как определить границы возможности использования оценочных понятий таким образом, чтобы подобное использование не приводило к произвольному толкованию закона и не нарушало конституционные права граждан. В настоящий момент для уяснения этой грани необходимо обращаться к правоприменительной, в частности – судебной практике.

При этом прослеживается достаточно негативное отношение федерального законодателя к существованию оценочных понятий в российской правовой системе, например, когда в ряде случаев коррупциогенные факторы рассматриваются в качестве оценочных понятий. Действующее законодательство содержит следующую дефиницию термина «коррупциогенный фактор» - это положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции [16]. При этом «необоснованно широкие пределы усмотрения» и «возможность необоснованного применения исключений» являются в данном определении ключевыми терминами, принципиально отличающими конституционно допустимые оценочные понятия от тех из них, которые являются «коррупциогенными факторами».

Вместе с тем объективная возможность полностью отказаться от оценочных понятий в конструкции норм закона отсутствует как таковая, так как при таких обстоятельствах возникает необходимость законодательно урегулировать все свершающиеся правоотношения, что контрпродуктивно и в принципе утопично. Уместным в этой связи представляется вспомнить концепцию Ганса Кельзена, утверждавшего в трансцендентальной фазе развития своей нормативистской теории [17], что закон как таковой представляет из себя определенные рамки, внутри которых у субъектов остается свобода выбора и усмотрения, а задача правоприменителя, в частности судьи, определить, не совершил ли субъект что-либо выходящее за пре-

дела установленных законом рамок, и, если совершил, дать подобному поступку надлежащую квалификацию [18].

Вопрос обоснованности и, как следствие, оправданности использования того или иного оценочного понятия в законе в конечном итоге полностью зависит от правоприменительной практики. Если использование того или иного оценочного понятия не нарушает конституционные принципы, в том числе принцип равенства перед законом и судом, конституционные права граждан, значит, «необоснованно широких пределов усмотрения» данное понятие не содержит.

К примеру, понятия «основы правопорядка» и «нравственность», как и всякие оценочные понятия, наполняются содержанием в зависимости от того, как их трактуют участники гражданского оборота и правоприменительная практика, однако они не являются настолько неопределенными, чтобы не обеспечивать единообразное понимание и применение соответствующих законоположений. В ст. 169 Гражданского кодекса Российской Федерации указывается, что квалифицирующим признаком антисоциальной сделки (то есть сделки, противоречащей основам правопорядка и нравственности) является ее цель, то есть достижение такого результата, который не просто не отвечает закону или нормам морали, а противоречит – заведомо и очевидно для участников гражданского оборота – основам правопорядка и нравственности [19]. Антисоциальность сделки, дающая суду право применять данную норму Гражданского кодекса Российской Федерации, выявляется в ходе судопроизводства с учетом всех фактических обстоятельств, характера допущенных сторонами нарушений и их последствий [20].

Использование таких оценочных понятий, как «разумность» и «справедливость», в качестве требования, которым должен руководствоваться суд при определении размера компенсации морального вреда, не приводит к какому-либо неравенству при применении соответствующей нормы [21], устанавливающей зависимость размера такой компенсации от ряда факторов: характера причиненных страданий, степени вины причинителя вреда и т.д., поскольку названное правовое предписание не препятствует возмещению морального вреда гражданину в случаях, предусмотренных законодательством. При этом, используя общее правовое предписание к конкретным обстоятельствам дела, судья принимает решение в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения, что не может рассматриваться как нарушение каких-либо конституционных прав и свобод гражданина [22].

Вопрос о возможности применения того или иного оценочного понятия к конкретной ситуации автоматически порождает необходимость выявления неких единых критериев – структурных элементов, по которым то или иное оценочное понятие определялось бы в качестве допустимого к использованию. Среди подобных структурных элементов выделяют субъект, предмет, основание и стандарт. В качестве субъекта выступают совместно законодатель и правоприменитель: первый – сознательно оставляя законодательные рамки, ограничивающие возможность квалификации тех или иных явлений как оценочных понятий, а также закрепляя иногда и отдельные признаки оценочных понятий; второй – оценивая конкретные факты в правовой действительности.

В качестве предмета оценочных понятий принимают те объекты, которые подвергаются оценке. Ими могут являться действия, поведение в целом, ситуации и состояния, результаты действий, причины действий, мотивы и побуждения, способы, отношения, предметы и вещи и т.д.

Основание – то, с точки зрения чего производится оценка, то есть та позиция, доводы, которые склоняют субъекта оценить предмет так, а не иначе. При этом на формирование такой конечной позиции правоприменителя влияют самые различные детерминанты, такие как правосознание, мораль, судебная практика, политические взгляды, эстетические представления, общественное мнение и т.д., также выступающие в качестве основания оценки.

Стандарт (образец, эталон) – это, собственно, критерий оценки: совокупность типичных свойств, которые должны быть присущи оцениваемым предметам. Стандарты складываются эмпирически и пригодны лишь в определенный отрезок времени. Главный признак стандарта оценочного понятия – подвижность, расплывчатость границ. Поскольку эталон оценочного понятия не закреплен в юридических нормах, его надо искать в этических, эстетических нормах, правосознании и т.д., то есть здесь необходимо учитывать факторы, выступающие в качестве основания оценки.

В целях обеспечения строгого и единообразного применения норм права законодатель может нормативно закрепить отдельные признаки стандарта того или иного оценочного понятия. Однако от этого понятие не перестает быть оценочным, так как закрепляются не все, а лишь некоторые отдельные признаки стандарта [23].

Из изложенного выше возможно сделать следующие выводы: во-первых, само по себе использование законодателем оценочных понятий не свидетельствует о неопределенности законодательного регулирования и не влечет автоматического нарушения чьих бы то ни было прав. Во-вторых, использование оценочных понятий не только допустимо, но и необходимо, кроме того, в ряде случаев их использование только способствует большей универсальности законодательного механизма. В-третьих, риски произвольного применения законодательных норм, содержащих оценочные понятия, тем ниже, чем более четко, строго и единообразно закреплен в законе эталон, стандарт как структурный элемент оценочного понятия. Именно в установлении этих рамок возможного применения оценочного понятия и проявляется в данном случае принцип правовой определенности, сознательно оставляющий несколько не произвольную, но определенную свободу усмотрения правоприменителя при использовании оценочных понятий.

Вместе с тем одна из основных проблем применения оценочных понятий, с учетом необходимости соблюдения принципа правовой определенности, кроется в единообразном определении того самого эталона или стандарта, который является неотъемлемым структурным элементом любого правового оценочного понятия. Различия в правосознании законодателя и правоприменителя, равно как и у различных правоприменителей между собой, ведут к увеличению степени неопределенности при применении того или иного оценочного понятия, что чревато произвольным применением и, как следствие, угрозой нарушения конституционных прав.

Однако лучшим превентивным лекарством, сводящим саму возможность появления подобных ситуаций к минимуму, являются отнюдь не попытки законодательно закрепить и более точно конкретизировать то или иное оценочное понятие, а на государственном уровне учитывать особенности правосознания вообще, так и правовую идеологию как составную часть правосознания, в частности. Тогда и структурные элементы оценочных понятий будут более единообразно пониматься как законодателем, так и правоприменителями.

Библиографический список

1. См. ч. 1 ст. 1, ст. 19, ст. 55 Конституции Российской Федерации / Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. См. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др.; под ред. В.Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотренное. М.: Норма, Инфра-М, 2013. – 1039 с.
3. См. п. 40 Постановления ЕСПЧ от 25 ноября 1996 г. по делу «Уингроу (Wingrove) против Соединенного Королевства» // <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-58080>. См. также п. 37 Постановления ЕСПЧ от 13 июля 1995 г. по делу «Толстой-Милославский (Tolstoy-Miloslavsky) против Соединенного Королевства» / <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-57947>; п. 86 Постановления ЕСПЧ от 24 мая 2007 г. по делу «Владимир Соловьев (Vladimir Solovyev) против Российской Федерации» / <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-80633> и др.
4. См. ч. 2 ст. 36 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» / Российская газета. 1994. 23 июля.
5. См. п. 3 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.1995 № 3-П / Российская газета. 1995. № 87. 5 мая; см. также п. 3 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 06.04.2004 № 7-П / Российская газета. 2004. № 77. 14 апреля; п. 2 мотивировочной части Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2013 № 1076-О / <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> и др.
6. См. п. 4 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15.07.1999 № 11-П / Российская газета. 1999. 3 августа; см. также п. 4 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2010 г. № 1-П / Российская газета. 2010. 10 февраля и др.
7. См. п. 2 мотивировочной части Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 15.04.2008 № 260-О-О; см. также п. 2.1. мотивировочной части Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 02.04.2009 № 484-О-П и др. / <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.
8. См. п. 2.2 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 29.06.2004 № 13-П / Российская газета. 2004. 7 июля.
9. См. п. 4 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17.06.2004 № 12-П / Российская газета. 2004. 25 июня; п. 3.4 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13.07.2010 № 15-П / Российская газета. 2010. 23 июля; п. 3 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 31.03.2011 № 3-П / Российская газета. 2011. 13 апреля и др.
10. См. п. 4 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25.02.2004 № 4-П / Российская газета. 2004. 3 марта; пп. 2, 3 мотивировочной части Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 15.01.2009 № 144-О-П / Российская газета. 2009. 13 мая.
11. См. п. 3.3 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07. 2004 № 14-П / Российская газета. 2004. 27 июля.
12. См.: Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. // СПС КонсультантПлюс, с. 30.
13. См. п. 2 мотивировочной части Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 15.07.2004 № 276-О / <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/>

default.aspx; см. также п. 2 мотивировочной части Определения Конституционного Суда РФ от 19.03.2009 № 231-О-О / <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>; п. 4 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 30.06.2011 № 14-П / Российская газета. 2011.13 июля и др.

14. См. п. 2 мотивировочной части Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21.06.2011 № 811-О-О / <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.

15. См. п. 2.2 мотивировочной части Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 16.12.2010 № 1580-О-О / <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.

16. См. ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» / Российская газета. 2009. 22 июля.

17. См.: Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право / пер. с нем., англ., фр., сост. и вступ. ст. М.В. Антонова. СПб: Издательский дом «Алеф-пресс», 2015. С. 186-200.

18. См.: *Ревнов Б.А.* Проблема пробелов в праве и ее толкование в теории нормативизма // *Юридическая мысль.* 2013. № 4. С. 81-87.

19. См. ст. 169 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ / Российская газета. 1994. 8 декабря.

20. См. п.2 мотивировочной части Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июня 2004 года № 227-О / Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 6.

21. См. п. 2 ст. 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ / Российская газета. 1996. 6-8 февраля; 10 февраля.

22. См. п. 2 мотивировочной части Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 15.07.2004 № 276-О / <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.

23. См.: *Кондрашев А.А.* Оценочные понятия в конституционном праве: проблемы теории правоприменения / Конституционное право и политика: сб. материалов Международной научной конференции: Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 28 - 30 марта 2012 года / С.А. Авакьян, Д.С. Агапов, Н.И. Акуев и др.; отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юрист, 2012 // СПС КонсультантПлюс, с. 82-83.

24. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. проф. С.А. Комарова. М.: Изд-во «Юрайт», 2017. – 425 с.

И.А.Соловьева*,
В.С.Комаров**

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ НОРМ ПРАВА

Аннотация. В статье рассматривается эффективность норм права, проявляющаяся в их взаимосвязи на примере сравнительного анализа норм Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ "О государственной регистрации недвижимости", Семейного и Гражданского кодексов Российской Федерации.

Ключевые слова: эффективность, норма права, взаимосвязь, федеральный закон, Гражданский кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации.

THE EFFECTIVENESS OF THE RELATIONSHIP OF THE LAW

Summary. The article is discussed effectiveness of the rules of law manifested in their interrelationship on the example of comparative analysis rules of Federal Law of 13.07.2015 № 218-ФЗ «On state registration of real estate», the Civil and Family Codes of the Russian Federation.

Keywords: efficiency, rule of law, correlation, Civil Codes of the Russian Federation, Family Codes of the Russian Federation.

В научной литературе неоднократно отмечалась необходимость учитывать при определении эффективности норм права их соотношение и взаимовлияние, ведь каждая из норм существует не в «вакууме», а в огромном массиве нормативных правовых актов. В стабильно функционирующей правовой системе нормы дополняют, разъясняют друг друга. Однако в нашей действительности имеет место и другое явление: когда нормы превращают друг друга в фиктивные, на практике лишая субъект права возможности пользоваться предоставленными законом правами и обязанностями. И не всегда внесение поправок или принятие новых законов способствует устранению таких ситуаций. Рассмотрим подобные случаи взаимосвязи правовых норм на примере Федерального закона от 13.07.2015 №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», Гражданского и Семейного кодексов Российской Федерации.

Незаметно для большинства граждан с 1 января 2017 г. изменился порядок государственной регистрации права собственности на недвижимое имущество, в силу вступил Федеральный закон от 13.07.2015 №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Закон №218-ФЗ). При этом большинство из тех, кто ус-

* **Соловьева Ирина Андреевна**, аспирантка кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург). E-mail: ia-ia1@yandex.ru. Научный руководитель - доктор юридических наук профессор С.А. Комаров.

Solovyova, Irina A., postgraduate student, Department of theory and history of state and law of Juridical Institute (Saint-Petersburg). Scientific supervisor - doctor of legal Sciences Professor S. A. Komarov.

** **Комаров Владимир Сергеевич**, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: wladskom@mail.ru

Komarov, Vladimir S., associate Professor of civil law and process Law Institute (St.-Petersburg), candidate of legal Sciences.

пел столкнуться с обновленной процедурой, обратили внимание, пожалуй, лишь на то, что на руки собственнику перестали выдавать свидетельство о государственной регистрации права.

Однако при более детальном изучении норм Закона №218-ФЗ можно заметить гораздо более общественно значимые изменения, которые коснулись проведения государственной регистрации отчуждения недвижимого имущества, приобретенного супругами в период брака.

Исходя из положений ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), независимо от того, на чье имя из супругов приобретено недвижимое имущество, оно будет являться совместной собственностью супругов, если приобретено во время брака по возмездной сделке за счет общих доходов супругов (если брачным договором не установлено иное) [2].

При этом ч. 3 ст. 35 СК РФ в редакции Федерального закона от 29.12.2015 №391-ФЗ, вступившего в силу также 1 января 2017 г., предусматривает, что для заключения одним из супругов сделки по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации, сделки, для которой законом установлена обязательная нотариальная форма, или сделки, подлежащей обязательной государственной регистрации, необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга [2]. Ранее данная норма гласила, что «для совершения одним из супругов сделки по распоряжению недвижимостью и сделки, требующей нотариального удостоверения и (или) регистрации в установленном законом порядке, необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга» [2].

До вступления в силу Закона №218-ФЗ при отсутствии согласия супруга на отчуждение недвижимости государственная регистрация перехода права приостанавливалась, а впоследствии выносился отказ в ее проведении. То есть Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (далее – Росреестр) выступала своеобразным барьером, защищающим интересы супруга, не являющегося титульным собственником совместно нажитого имущества. Однако теперь Росреестр не вправе требовать предоставления согласия супруга для проведения государственной регистрации перехода права собственности к новому собственнику и не уполномочен выяснять вопрос о наличии или об отсутствии такого согласия. То есть даже при отсутствии согласия супруга регистрация будет проведена без приостановления и предварительного уведомления сторон сделки.

Вместе с тем при регистрации перехода права на нового собственника в Единый государственный реестр недвижимости (далее - ЕГРН) вносится запись об отсутствии необходимого согласия супруга на совершение сделки. Данный порядок установлен п. 4 ч. 3 ст. 9 и ч. 5 ст. 38 Закона №218-ФЗ.

Информация об отсутствии согласия супруга отражается в выписке из ЕГРН, удостоверяющей право нового собственника на приобретенный объект недвижимости. Впоследствии супруг, чье согласие не было получено, может оспорить такую сделку в суде и признать ее недействительной.

Таким образом, с одной стороны, СК РФ устанавливает обязательный порядок получения нотариального согласия супруга на совершение сделки в отношении совместно нажитого имущества, а Закон №218-ФЗ фактически данную норму нивелирует. Да, безусловно, сделки такого рода остаются оспоримыми, однако до 1 января 2017 г. необходимости обращаться в суд у нетитульного собственника не возникало в принципе.

С принятием же Федерального закона № 218-ФЗ слабая сторона семейных правоотношений - нетитульный собственник совместно нажитого имущества - оказался в крайне невыгодном положении: процесс оспаривания сделки в судебном порядке может тянуться длительное время и, безусловно, потребует как временных, так и эмоциональных затрат.

Росреестр на своем сайте рекомендует решать проблемы путем оформления имущества в совместную собственность или заключения брачного договора [4]. Безусловно, совет крайне полезный и практичный, но то, насколько он будет воспринят нашим обществом, – вопрос открытый.

Однако хотелось бы помимо прочего понять, каким образом возникновение такой ситуации вообще стало возможным. Часть 5 ст. 38 Федерального закона № 218-ФЗ предусматривает, что при осуществлении государственной регистрации сделки или государственной регистрации прав на основании сделки, совершенных без необходимого в силу закона согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления в случаях, если такие сделки в силу закона не являются ничтожными, запись об этом вносится в Единый государственный реестр недвижимости одновременно с внесением записи о государственной регистрации [3].

Пункт 1 ст. 168 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) закрепляет, что за исключением случаев, предусмотренных п. 2 данной статьи или иным законом, сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является оспоримой, если из закона не следует, что должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки [1]. Пункт 2 ст. 168 ГК РФ предусматривает, что сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки [1]. Таким образом, как уже отмечалось ранее, сделка, направленная на отчуждение совместно нажитого имущества, совершенная без нотариального согласия супруга, на сегодняшний день является оспоримой.

Однако так было не всегда. До внесения изменений в ГК РФ Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» ст. 168 ГК РФ закрепляла, что сделка, не соответствующая требованиям закона или иных правовых актов, ничтожна, если закон не устанавливает, что такая сделка оспорима, или не предусматривает иных последствий нарушения [1]. То есть ранее сделки, направленные на отчуждение совместно нажитого имущества, являлись ничтожными, а не оспоримыми. И если бы это и сейчас оставалось так, то регистрация перехода права по такой сделке без предъявления нотариального согласия супруга в Росреестр с принятием Федерального закона № 218-ФЗ по-прежнему была бы невозможной.

Конечно, на основе разобранный выше примера трудно в полной мере оценить эффективность поправок, внесенных в ГК РФ Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ, однако повод для более детального анализа имеется. Представляется, что законодатель, установив, что сделка, совершенная с нарушением требований закона, является оспоримой, тем самым собственноручно принизил роль законодательно установленных норм, правил, требований.

Что же касается Федерального закона № 218-ФЗ, то с его принятием скорее всего участятся нарушения прав супругов, не являющихся титульными собственниками, что к положительному влиянию отнести нельзя. Остается только надеяться, что реакция законодателя на развитие событий подобным образом будет своевременной.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ //Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ //Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29 (часть I). – Ст. 4344.
- 4.См.: <https://rosreestr.ru/site/press/news/izmeneniya-v-zakonodatelstve-priobretaya-nedvizhimost-ubedites-v-nalichii-soglasiya-supruga-sobstven/>

В.Н.Старовойтов*

К ВОПРОСУ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПЛОДА IN UTERO

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы определения времени рождения человека, поскольку именно рождение является пока единственным способом появления его на свет. Темпоральная характеристика данного состояния служит решающим фактором при определении его правового статуса, ибо факт определения начала жизни и ее конца является наиболее важным при характеристике правового положения субъекта права.

Ключевые слова: правовой статус, правовое положение, юридический факт, человеческий плод, человек, жизнь человека.

TO THE QUESTION OF THE LEGAL STATUS OF THE HUMAN FETUS IN UTERO

Summary. The article discusses the theoretical and practical issues of determining the time of birth, because birth is the only way it appears in the light. The temporal characteristic of this condition is the decisive factor in determining his legal status, because the fact of defining the beginning of life and its end is the most important in characterizing the legal status of the entity.

Keywords: legal status, legal status, legal fact, human fetus, human, human life.

Вопрос об определении рождения человека впервые и постоянно возникает при рождении человеческого существа, поскольку именно рождение является пока единственным способом появления человека на свет. При этом для определения его правового статуса фактор определения начала жизни и ее конца наиболее важен. Именно эти моменты находят свое отражение в правовой действительности.

Рождение человека, как и его смерть, в юриспруденции получило значение «юридического факта». В различные времена данное явление (с точки зрения его социального значения – обретения прав) понималось по-разному как законодателями, так и врачами и философами.

Важно отметить, что такой, казалось бы, однозначный факт, как медицинское определение начала жизни человека, по-разному преломляется в законодательствах различных государств и эпох. Данная проблема на протяжении долгого времени вызывает серьезные дискуссии в среде юристов. Это во многом обуславливает сложность правового регулирования таких вопросов, как эвтаназия, аборт, искусственное оплодотворение, трансплантация, генетические вмешательства и, в частности, клонирование человека.

Наиболее показательными признаками отношения к статусу человеческого эмбриона являются нормы законодательства об искусственном прерывании беременности. Это обусловлено тем, что именно аборт стал исторически первым возможным вмешательством в жизнь эмбриона.

* **Старовойтов Виктор Николаевич** – юрист, генеральный директор юридической компании «Старвика». E-mail: jurist.piter@yandex.ru

Этическому и моральному спору по поводу аборта уже много веков. При вавилонском царе Хаммурапи в 1728 г. до н.э. человек, ударивший женщину и вызвавший выкидыш, подвергался штрафу. Ассирийцы увеличили наказание до порки, каторжных работ, а иногда и смерти.

В Древней Греции и Древнем Риме аборт не только допускались, но и поощрялись. В римском праве зародыш трактовался как часть тела матери, поэтому женщина не подвергалась наказанию за умерщвление плода или изгнание его из утробы. Платон и Аристотель считали это средством контроля популяции [1]. Древний гинеколог Соранус усматривал в абортах один из путей поддержания женской красоты. Позднее в римском праве эмбрион («имеющий родиться») был наделен некоторыми гражданскими правами. Искусственный аборт квалифицировался как преступление в случае, когда он использовался в целях получения имущественных прав [2, с. 198]. Техника аборта была примитивной, и немногие женщины отваживались прибегнуть к ним. Смертельные зелья рассматривались на протяжении веков как наиболее эффективное средство. Они состояли из тушеных бананов, трав, сырых яиц, козьего навоза и змеиного яда. Если это не срабатывало, женщине советовали выпить мышьяка, кедровой настойки, производить сильные удары по животу. Болезненные процедуры зачастую не только вызывали выкидыши зародышей, но и приводили к смерти самой женщину.

В России смертная казнь за аборт (незаконно зачатых) была введена в 1649 г. (Уложение царя Алексея Михайловича), а отменена столетие спустя [3]. Проект уложения 1813 г. употребляет термин «детоубийство» для обозначения «убийства детей в утробе матери» [1].

Во второй половине XIX в. в США возникло общенациональное движение за запрет аборт. Оно основывалось на данных, полученных врачами при эмбриологических исследованиях. Эти данные свидетельствовали о том, что плод является живым существом с момента зачатия, а не с момента появления ощущаемых матерью движений его тела. В итоге в 1880 г. аборт в США, если речь шла не о спасении жизни женщины, были запрещены. Принятые тогда законы в основном сохранялись до 60-х гг. XX в. [2, с. 199, 200].

В дореволюционном законодательстве России четко различались случаи:

- *разрешенного* законодательством искусственного аборта, произведенного врачом *с целью спасения жизни женщины*;
- аборта, произведенного самой женщиной или каким-либо посторонним лицом *с преступной целью* прекращения беременности. Принадлежность лица, производившего криминальный аборт, к медицинской профессии (сюда относились, как правило, и повивальные бабки) считалось отягчающим обстоятельством.

К XX в. в медицинской доктрине уже появились понятия «аборт по просьбе» и «аборт по медицинским показаниям». Первым государством, легализовавшим «аборт по просьбе», стала Советская Россия. Нужно сказать, что во многом этому послужили: отход многих государств от христианских традиций, борьба за равноправие женщин, их эмансипация, плохие условия жизни.

В совместном постановлении Наркомздрава и Наркомюста от 18 ноября 1920 г. [5] говорилось: «Допускается бесплатное производство операции по искусственному прерыванию беременности в обстановке советских больниц, где обеспечивается ей максимальная безвредность».

Во многом эта мера была направлена против криминальных аборт. Таким образом, женщины Советской России получили право на безопасный, бесплатный,

общедоступный аборт. Однако уже в 1924 г. органы здравоохранения создают «абортные комиссии» [6], которые выдавали разрешение на бесплатный аборт, применяя при этом классовый подход и соблюдая такую очередность: безработные-одиночки; работницы-одиночки; имеющие одного ребенка; многодетные, занятые на производстве; многодетные жены рабочих; все остальные застрахованные; прочие гражданки. Для многих женщин, не получавших «разрешение на аборт», он стал платным.

До 1930 г. в СССР еще публиковалась статистика об абортах, которая свидетельствовала о постоянном росте их числа [2, с. 203]. Последовавшие позже Гражданская война, массовый голод, коллективизация, репрессии также унесли многие жизни. Вследствие этого население России серьезно сократилось. В связи с этим 27 июня 1936 г. ЦИК и СНК приняли постановление, запрещающее аборт [7]. Кроме того, статистика о произведенных абортах была засекречена, так как это противоречило имиджу процветающего государства. В 1939 г. ее сбор был полностью прекращен. Между тем опять возросло количество криминальных аборт, особенно в послевоенные годы. В результате этого появился Указ Президиума Верховного Совета СССР 1955 г. «Об отмене запрещения аборт» [8].

В соответствии с этим документом «аборт по просьбе» могли производиться только лицами со специальным медицинским образованием, только при сроке беременности до 12 недель и только в больничных условиях. При несоблюдении хотя бы одного из этих условий аборт считался криминальным, за что устанавливалось наказание до 8 лет исправительных работ.

Открытая в эпоху гласности официальная статистика об абортах засвидетельствовала, что в СССР был самый высокий в мире показатель числа аборт.

Рамки легальности аборта были радикально расширены в 1987 г., когда Минздравом СССР был издан приказ № 1342 о прерывании беременности по немедицинским показаниям [9]. Этот документ разрешал по желанию женщин прервать беременность при большом сроке беременности (до 28 недель), если документально подтверждались такие обстоятельства, как многодетность (более 5 детей) и т. д. К этому необходимо добавить, что в нашей стране всегда существовал длинный перечень *медицинских* показаний, который давал право на прерывание беременности до 28 недель.

Таким образом, на протяжении последних десятилетий законодательство об аборте становилось все более и более либеральным. В то же время усилия врачей, общественности, направленные на ограничение этой медицинской практики, были гораздо скромнее [10]. В качестве юридического акта, направленного против широкого применения аборт, можно назвать Инструкцию союзного Минздрава 1975 г., которая призывала врачей-гинекологов убеждать женщин, уже принявших решение об аборте, все же сохранять беременность [2, с. 205].

Следует отметить, что в отличие от России, парламенты западных стран гораздо позднее законодательно санкционировали аборт: Швеция в 1938, Дания в 1939, Швейцария в 1942, Финляндия в 1950, Великобритания в 1967, США в 1973, Испания в 1985, Бельгия в 1990 г. [11].

В России, как уже отмечалось, - одно из самых либеральных законодательств об аборте. Вопреки положениям ст. 7 и 38 Конституции Российской Федерации, которые провозглашают государственную охрану материнства и детства, ст. 36 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22 июня 1993 г. [12] создает все возможные условия для безответственного отношения женщин к беременности

и к уничтожению своих детей. Статья 17 Конституции РФ устанавливает, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат ему от рождения.

Таким образом, совершенно четко можно сказать, что на данном этапе в Российской Федерации, а также во многих других странах человеческий плод независимо от стадии его развития не обладает правом на жизнь и другими естественными правами. Именно эта позиция положена в основу законодательства, предоставляющего женщине право самостоятельно решать вопрос о материнстве. Право на жизнь рождающегося ребенка признают: 1) с начала физиологических родов, то есть либо с момента появления какой-либо части тела ребенка вне утробы матери, либо с момента появления первых схваток или с момента первых потуг (М.М. Гродзинский [13], А.А. Жижилко [14], Н.И. Загородников [15], С. Мокринский [16], А.А. Пионтковский [17], Ш.С. Рашковская [18], Б.С. Утевский [19]); 2) с момента перерезания пуповины и начала самостоятельного дыхания (Ю.Н. Кругов [20], М.Д. Шаргородский [21]).

Ряд медиков предлагают рассматривать родившегося ребенка как человека (с юридической точки зрения) только с началом самостоятельного дыхания. В этот момент меняются и качество обмена веществ, и органы, его осуществляющие. В утробном периоде питание и дыхание происходят через кровь матери и плаценты (плацентарное кровообращение). Во внеутробном периоде благодаря включению легких плацентарное кровообращение сменяется легочным [22]. Однако данная позиция противоречит вышеприведенным данным, в соответствии с которыми человеческое существо появляется уже в момент зачатия.

Представляется, что проводить границу между абортom и убийством наиболее верным было бы по моменту, с которого плод признается жизнеспособным вне тела матери. Уничтожение жизнеспособного плода (даже при условии нахождения его в организме матери) должно быть признано детоубийством. Исключением из этого правила должны быть случаи, когда операция по извлечению живого плода не может быть проведена по состоянию здоровья матери. Эмбриогенез изучается издавна, и многие данные были известны еще Гиппократу и его современникам. За последние десятилетия в медицинской науке, в частности в эмбриологии, были открыты многие закономерности развития. Однако среди новых открытий нет ничего, что могло бы кардинально изменить отношение общества к человеческому эмбриону [23]. Изменение законодательного регулирования этой проблемы, по нашему мнению, объясняется наличием соответствующей времени концепции сущности человека, уровнем культуры, ценностями, признаваемыми обществом.

В целях выяснения юридического статуса человеческого эмбриона необходимо проанализировать соотношение возможных прав эмбриона и признанных прав рожденных людей. Предметом спора прежде всего выступает право эмбриона на жизнь. Этому *возможному* праву нерожденного ребенка противостоят определенные *признанные* права женщины-матери. Анализ законодательства, имеющего отношение к моральному и правовому статусу человеческого эмбриона, позволяет сделать также вывод о том, что юридическая позиция в данной области основывалась на медицинской традиции определения жизнеспособности плода, то есть имеется в виду та граница в его внутриутробном развитии, когда он уже в состоянии выжить вне организма матери с учетом возможностей, предоставляемых медицинскими технологиями выхаживания недоношенных.

В нашей стране до начала 90-х гг. XX в. такой границей считались срок беременности 28 недель и масса тела плода от 1000 г. Когда в 1992 г. акушерская служба

Российской Федерации перешла на рекомендованные Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) критерии живорождения и мертворождения [24], граница жизнеспособности была снижена до 22 недель беременности, показателя массы плода - до 500 г. Кроме того, есть документированные случаи выживания детей, родившихся с массой тела в 450, 420, 340 гр. [25].

Таким образом, граница жизнеспособности является условным показателем. В данной ситуации уместно будет сравнение положения эмбрионов с положением беспомощных коматозных больных. Последние ни одной минуты не могут существовать без подключенных искусственных органов или других медицинских приборов поддержания жизни.

Нам представляется, что если признать внутриутробный плод субъектом права, он также обладает правом на рождение (то есть жизнь вне утробы).

Следует исходить из того, что вопрос о правах утробного плода и особенно о праве на его жизнь, фактически является вопросом о его правовом статусе на различных стадиях развития, включая эмбриональный, фетально-плодный и перинатальный периоды онтогенеза человека. Специфической чертой юридических прав в сравнении с другими правами является то, что юридические права не только декларируются, но и имеют юридические гарантии. Необходимо сделать вывод о том, что утробный плод является человеческим существом. Его юридическая защита несколько отличается от защиты человеческих существ, которые квалифицируются в праве как физические лица, однако и человеческий плод «in utero» должен быть под защитой закона.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Политика // Сочинения: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 624.
2. Введение в биоэтику / Под ред. Б. Г. Юдина. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – С. 198.
3. Соборное Уложение Царя Алексея Михайловича 1649 г. / Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. / Общ. ред. О. И. Чистяков. Т. 3. / Отв. ред. А. Г. Маньков. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 250.
4. *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. – Т.4. – М., 1962. – С. 57, 59, 60.
5. Постановление НКЗ и НКЮ от 18 ноября 1920 г. № 90 «Об абортгах» // Боголепов П.П. Справочник по охране материнства и младенчества: систематический сборник действующего законодательства и официальных материалов с 1917 года по 1 октября 1927 г. – М.: Изд-во «Охрана материнства и младенчества» НКЗ, 1928. – С. 79.
6. Циркуляр НКЗ 9 января 1921 г. № 13 «О комиссиях по разрешению абортов» // Боголепов П.П. Справочник по охране материнства и младенчества: систематический сборник действующего законодательства и официальных материалов с 1917 года по 1 октября 1927 г. – М.: Изд-во «Охрана материнства и младенчества» НКЗ, 1928. – С. 79.
7. Постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводе» // Смулевич Б. Материнство при капитализме и социализме. – М.: Гос. социально-экономич. изд-во, 1936. – С. 141–151.

8. Ковригина М.Д. Система народного здравоохранения и государственная охрана материнства и детства: доклад министра здравоохранения СССР Ковригиной М.Д. (Москва, сентябрь 1956 г.). – М.: Изд-во «Литература на иностр. языках», 1956.
9. Приказ Министерства здравоохранения СССР № 1342 «О прерывании беременности по немедицинским показаниям» // Вестник «Медицина для Вас. –1996. – № 13, август.
10. При этом не учитываются конференции, семинары, призывы, которые не повлекли за собой принятие каких-либо юридически значимых документов.
11. Bioethics in Europe / A. Rogers, Denis Durand de Bousingen. – Netherlands, 1995. – P. 39.
12. Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 19 августа 1993. – № 33. – Ст. 1318.
13. Гродзинский М.М. Советское уголовное право: часть особенная. – М.-Л., 1928. – Т. 2.
14. Жижиленко А.А. Преступления против личности. – М. [и] Л.: Гос. изд-во, тип. «Печатный двор» в Лен-де. – 1927. – С. 7.
15. Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. – М.: Юрид. лит., 1961. – С. 32.
16. Мокринский С. Преступления против личности. – Харьков, 1928.
17. Пионтковский А.А., Ромашкин П.С., Чхиквадзе В.М. Курс советского уголовного права: в 6 т. – М.: Наука, 1970. – Т. 5. – С. 22.
18. Рашковская Ш.С. Преступления против жизни, здоровья, свобод и достоинства личности. – М.: Изд-во ВЮЗИ, 1959. – С. 9.
19. Утевский Б.С. Уголовное право. – М.: Гос. изд. юрид. лит., тип. им. Евг. Соколовой в Лен-де, 1950. – С. 23.
20. Кругов Ю.Н. Убийство при смягчающих обстоятельствах по советскому уголовному праву: Автореф. дисс. ... канд.юрид.наук. – М., 1967. – С. 13.
21. Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. – С. 59.
22. Анатомия человека : учеб. для студентов вузов / М.М. Курепина, А.П. Ожигова, А.А. Никитина. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2010. – С. 33.
23. С каждым днем появляется все больше научных данных, свидетельствующих об огромной связи эмбриона с внешним миром.
24. Инструкция об определении критериев живорождения, мертворождения, перинатального периода, утвержденная приказом-постановлением Минздрава РФ и Госкомстата РФ от 4 декабря 1992 г. – № 318/190.
25. Уилкер Д. На грани смерти и жизни. Краткий очерк современной биоэтики. – М., 1989. – С. 28–29.

О.Э.Старовойтова*

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА ТЕЛО

Аннотация. В статье анализируется законодательство различных государств, согласно которому человеческое тело в процессе своей эволюции всегда рассматривалось с аксиологических позиций. Генетическая информация о любом человеке не должна принадлежать лишь конкретному индивидууму, а должна быть расценена как доленая собственность других людей, у которых есть такие же гены. Любые действия с телом должны проходить под контролем закона, задача которого сводится к защите соматических прав человека. В статье анализируется вопрос о наличии или об отсутствии вещного права в отношении тела человека, что стало предметом активных дискуссий в отечественной научной литературе. Человеческий организм следует рассматривать как субъект, наиболее ценный в любом цивилизованном обществе. Автор убеждает в том, что контроль за реализацией права человека на свое тело должен осуществляться государством. Человеческий организм следует рассматривать как субъект, наиболее ценный в любом цивилизованном обществе.

Ключевые слова: человек, тело человека, организм человека, право собственности на тело, вещное право.

OWNERSHIP OF THE BODY

Summary. The article analyzes the legislation of different countries, according to which the human body in the process of their evolution have always been concerned with the axiological positions. The genetic information of any person should not belong to a particular individual, and should be viewed as equity property of other people who have the same genes. Any action with the body should be held under the control of the law, whose mission is to protect somatic human rights. The article examines the question of the presence or absence of property rights in human body, which was the subject of extensive discussion in the scientific literature. Monitoring the implementation of the human right to her body should be carried out by the state. The author convinces us that monitoring the implementation of the human right to her body should be carried out by the state. The human body should be considered as a subject of the most valuable in any civilized society.

Keywords: human, human body, human body, ownership of body, property law.

История свидетельствует о том, что закон в разумных его проявлениях постоянно защищал, а на ранних этапах оценивал человеческое тело. Примеров этому достаточно много. Одним из них является Русская Правда – свод права эпохи Киевского государства и периода феодальной раздробленности, дошедший до нас в списках XIII–XVII вв.

* *Старовойтова Ольга Эдуардовна*, профессор Санкт-Петербургского университета им. А.С. Пушкина, доктор юридических наук, профессор. E-mail: profstarovoitova1@rambler.ru

Если признать, что жизнь бесценна, то это нельзя применить к человеческому телу. Законодательные акты подтверждают, что общество уже давно стало назначать цену за тело и его органы. Эта практика, к сожалению, продолжается и сегодня, когда суды и страховые компании требуют компенсацию за потерю руки, ноги, глаза. Однако фактически эта цена вовсе не является ценой тела или его органа, это всего лишь плата или компенсация, дающая возможность жертве жить и лечиться и в определенной мере возможность наказать правонарушителя. Современное уголовное право защищает телесную неприкосновенность посредством наказания того, кто причиняет вред. Семейное право защищает ценность физической безопасности и благополучия посредством обеспечения тех, кто заботится о детях, всем необходимым. Трудовое право защищает автономию и благополучие человека посредством установления допустимого количества рабочих часов, а также правил безопасности и охраны его здоровья.

Ярким примером правовой защиты человека и его тела является Гражданский кодекс современной Франции (с изменениями и дополнениями по состоянию на 1998 г.) [1]. В нем, в частности, говорится, что человеческое тело неприкосновенно. Человеческое тело, его отдельные органы и изъятые из него органы не должны являться объектом гражданско-правовых сделок (ст. 16-1). Целостность человеческого тела может быть нарушена лишь в силу необходимости врачебного вмешательства. Предварительно для этого должно быть получено согласие заинтересованного лица, кроме тех случаев, когда состояние человека не позволяет ему выразить свое мнение на врачебное вмешательство (ст. 16-3). Никто не вправе посягать на целостность человеческого существа. Любая генно-технологическая практика по селекции людей запрещается. Без какого-либо ущерба для исследований в области предупреждения и лечения наследственных заболеваний не могут производиться трансформации генетически заданных параметров с целью коренного изменения индивидуальных наследственных особенностей человека (ст. 16-4). Заведомо ничтожными являются любые коммерческие сделки по поводу использования человеческого тела, его органов и производимых на его основе продуктов (ст. 16-5).

Следует заметить, что в соответствии с законом ФРГ о трансплантации органов под *органом* понимаются клетки и ткани сложных частей тела, которые образуют единство и имеют определенные функции. Ткани – это отдельные виды клеточных соединений, из которых состоит организм и которые выполняют общую функцию. Примерами являются сердце, почка, печень, кожа, кости, жесткая оболочка мозга и роговица глаза. Не относятся к органам по закону: кровь, костный мозг, органы эмбрионов и зародышей, а также их ткани и части их органов. Также не включаются в понятие «органы» гены, сперматозоиды и яйцеклетки [2].

Таким образом, законодательство различных государств в процессе своей эволюции всегда рассматривало человеческое тело с аксиологических позиций. Однако понятие его ценности порой сводят к «благу» (традиция, идущая от Платона) или ее пониманию как стоимости, экономической ценности (традиция, утвердившаяся в классической политэкономии, существенно переосмысленная Марксом в «Капитале» и положенная затем в основу марксистской аксиологии). В современном зарубежном правоведении идут дискуссии о теле как собственности [3, 4].

Так можно ли вести речь о теле как собственности? Можно ли рассматривать человеческий организм с позиций рыночных отношений? Аргумент, что «мое тело – мое», является только частью надлежащего понимания проблемы собственности на

тело. Этот аргумент требует слишком много или слишком мало. Слишком много, потому что это - больше, чем просто «мое», что-то, что я имею. В некотором смысле – это я. Тело является физическим и временным выражением уникальной человеческой персоны. И потому такая стоимость наших тел – это просто то, что мы имеем и используем для достижения своих целей, не может охватить основные различия между нашим телом и другими объектами, которые мы используем для достижения целей. Для многих людей их тела и их жизненные цели сильно связаны. Наше тело – это не просто средство достижения целей, оно является неотъемлемой частью этих целей. Без наших тел наши жизненные планы были бы неосуществимы. Более того, другим людям наши тела представляют то, кем мы являемся: то, что они видят; то, что идентифицирует нас. В этом смысле наши тела являются не просто «нашими»; они частично охватывают нашу сущность.

Аргумент, что «мое тело – мое» требует слишком мало, так как не в состоянии охватить взаимосвязь наших тел с телами других людей и с окружающим миром [4].

Наши тела появляются и развиваются в контакте с другими телами. Во время беременности плод и мать делят жидкость и пространство. Далее после рождения ребенок зависит от тела матери, так как нуждается в питании. Без тела матери тело ребенка не выжило бы. Мать должна выполнять все то необходимое, в чем нуждается ребенок. В пожилом возрасте, в силу болезни или недееспособности, снова тело одного человека может зависеть от тел других людей. Тело человека, заботящегося об иждивенце, может выполнять функции, которые иждивенец хотел бы выполнять собственным телом. Целый диапазон человеческих действий, которые мы высоко оцениваем, говорит о взаимосвязанности наших тел. В любых действиях, начиная от сексуальных отношений до рукопожатий, от спортивных состязаний до массажа, многие телесные удовольствия проявляются во взаимодействии с другими телами. Поэтому описание наших тел просто как «наши» не в состоянии объяснить тот момент, что в нашей жизни телá неизбежно зависят друг от друга и что даже многие из удовольствий жизни мы получаем именно из взаимосвязи наших тел.

В этих рассуждениях можно идти и дальше. Наши тела также связаны и с миром, который нас окружает. Мы питаемся продуктами природы, которые затем выводятся из организма в виде выделений и мочи и возвращаются в землю. Мы вдыхаем и выдыхаем воздух. В наших телах бактерии играют важную роль в работе нашего организма, и их разнообразие может быть пополнено извне. Тело поэтому следует рассматривать не просто как единый статический организм: оно постоянно изменяется и взаимодействует с миром вокруг нас. Мы даже делим тот уникальный генетический материал, полученный от природы и переданный нашим детям с животным миром.

Из этого можно сделать вывод о том, что генетическая информация о любом человеке не должна принадлежать лишь конкретному индивидууму, а должна быть расценена как долея собственность других людей, у которых есть такие же гены.

Тело не является неким статическим состоянием, его следует рассматривать как постоянно меняющийся сложный организм. Возможности наших тел постоянно изменяются, поскольку клетки умирают и создаются новые. К тому времени, когда человек умирает, он становится биологически иным по сравнению с тем периодом, когда появился на свет. Следует полагать, что взаимосвязь нашего тела с другими телами и миром вокруг нас является естественной и действительно необходимой для нашей жизни. Сущность наших тел постоянно меняется. В свете этих рассуждений, как мы считаем, соматические права человека, связанные с возможностью рас-

поряжаться своим телом, - осуществлять его «модернизацию», «реставрацию», «фундаментальную реконструкцию», изменять функциональные возможности организма, проводить изменение пола, трансплантацию органов – могут быть расценены как отражение нормального обмена и взаимозависимости наших тел с другими телами и окружающим миром. Прием органа от другого человека – это только пример изменчивого природного характера тела. Однако перечисленные действия с телом должны проходить под контролем закона, задача которого сводится к защите соматических прав человека.

Современная социология тела прошла развитие через критический анализ преобладающих рационалистических и познавательных посылок, которые являются наследием картезианства [5].

Р. Декарт считал, что истины достигаются скорее случайно, чем на основе достоверного метода. Поэтому он призывал не искать иной науки, кроме той, какую можно найти в самом себе или в великой книге мира. Его призыв был обращен к собственному разуму. Моделью истины для Декарта являлось положение «Я мыслю, следовательно, я существую» (*cogito ergo sum.*)

Такой интерес к телу, как это ни парадоксально, также является следствием влияния новых теорий языка и культуры, которые, в общем, рассматриваются как поворотный пункт культуры, где тело выступает как текст. От антропологии тела теоретический интерес переместился к квалификациям генетического риска и другим актуальным аспектам. Проблема тела сегодня занимает особое положение в социологических и культурных исследованиях. Однако отношения между правовыми и социальными аспектами тела до сих пор не представляли собой заметной проблемы в научной литературе. Между тем проблема правовых рамок тела поднимает фундаментальный вопрос – кто все же владеет телом? Попытку дать нестандартный ответ на поставленный вопрос предприняли Эйлин Х. Ричардсон и Брайен С. Тернер из Кембриджского университета [6, с. 29-42].

В данной попытке они перенесли социологические дебаты в новую сферу: определение тела как собственности через концепцию менталитета правления. Этот термин появился в последней работе М. Фуко о государстве и управлении [7].

В ней говорится о том, что современное государство заинтересовано не в пытках тела преступника, а в получении большой отдачи в моральном плане. Концепция количества населения первоначально была важным индикатором административного интереса государства. Делалось все, чтобы сделать население полностью производительным. Поэтому понятие производства потомства, воспроизводства населения приобрели большое значение в развитии политических институтов.

Вопрос о собственности тела не может быть отделен от проблемы суверенитета. Как уже отмечалось, идея о том, что тело в целом может функционировать как экономическая собственность, была характерна для рабства и играла важную роль в возрастании патриархальной власти. В традиционных политических системах женщины, дети и служащие рассматривались как часть домашнего хозяйства, в котором мужские главы хозяйств имели абсолютные права. Экономика представляла собой просто домашнее хозяйство, в пределах которого женщина была необходимым имуществом. Данная теория применительно к королевской власти поддерживала абсолютизм. Но этому противоречили индивидуалистические понятия частной собственности и ограниченные права королей в осуществлении правления согласно социальному контракту. Там, где собственность определялась инвестициями труда,

эта буржуазная теория собственности зависела от различия между собственностью и контролем имущества, а также прав на его использование.

Проблема тела требует большей ясности при любом толковании социальной и политической теории. Проблема тела занимает центральное положение в любой теории власти и в любом современном видении гражданства и прав человека.

Теория права всегда сталкивалась с трудностями в понимании всей сложности человеческого тела. Революция в микробиологии и возможность применения достижений генной инженерии в отношении тела в современном обществе добавили новые сложности для права. В вопросе о праве на тело, по мнению Э. Ричардсон и Б. Тернера, следует различать три момента: 1) право на целые тела (то есть право на людей); 2) право на покупку, продажу или хранение части тел (при пересадках органов, пожертвованиях и продаже органов); 3) право на «частицы» тел (коды ДНК, генетический материал, относящийся к человеческому воспроизводству, например, яйца, сперма), то есть на элементы, находящиеся на уровне ниже целого организма [6, с. 39].

Коммерческое использование частей тела или частиц тела поднимает серьезные этические и правовые вопросы, которые сегодня не имеют однозначных решений. Создание человеческих эмбрионов в пробирке и их хранение в клиниках-инкубаторах сделало латентные человеческие тела потенциально доступными для экспериментирования и покупки. Такие технологические разработки конца XX столетия заставили многие государства всерьез задуматься о необходимости их правового регулирования, чтобы защитить зарождающуюся человеческую жизнь от технологической опасности. Является ли «предэмбрион» телом – спорный вопрос, однако принципиальное установление границ его воплощения весьма важно для юридической практики. Реальная проверка идеи собственности вполне может заключаться в рассмотрении того, как закон регламентирует эти деликатные аспекты нашей жизни. Поскольку подобные сделки обычно расцениваются как глубоко затрагивающие природу и значение самой жизни, многие государства ввели жесткий контроль за их осуществлением. Человеческое тело и его части все более становятся объектом правового вмешательства и регулирования. В пределах мировой системы сегодня процветает торговля целыми телами на преступном рынке сексуальных услуг.

Как отмечали Э. Ричардсон и Б. Тернер, активировалась также продажа органов, например, почек, из стран третьего мира для богатых пациентов, и этот рынок также является в значительной степени нерегулируемым. Существует глобальный рынок репродуктивных материалов, и, наконец, ведется конкурентная борьба за то, чтобы завладеть и управлять генетическими кодами через патенты. В глобальной системе капиталистических отношений обмена тело человека было овеществлено, превратившись в товар. Из чувствующего живого тела каждодневной жизни оно превращается в вещь, которая меняется как товар на мировом рынке, где спрос и предложение фактически не могут управляться при помощи существующих правовых конвенций.

Вопрос о наличии или об отсутствии вещного права в отношении тела человека активно обсуждается и в отечественной научной литературе [8].

Является ли человек собственником своего тела? В современной научной литературе высказываются различные точки зрения по этому вопросу. Есть авторы, которые категорически отрицают право собственности на тело, полагая, что признание этого права может привести к криминальной коммерциализации [9]. Другие

считают необходимым признать право собственности человека как на свое тело в целом, так и на любой его орган, в частности [10].

Третья группа авторов утверждает, что правоотношения, возникающие относительно собственного тела, не вечны по своей сути. Право на владение, пользование и распоряжение собственным телом является, по их мнению, самостоятельным правом, не имеющим вещной природы. Оно естественно и дано нам в силу природы. Такой позиции придерживаются А.В. Майфай, А.Б. Лисаченко и Е.Н. Степанова [11, с. 10].

Большие споры вызывает вопрос о статусе отдельно взятых органов человеческого тела. Ряд ученых, рассматривая органы человеческого тела как неотъемлемые и естественные части целого, утверждают, что их нельзя отнести к категории «вещей» и поэтому они не могут быть объектами гражданских правоотношений (Г.Н. Красновский). Другие полагают, что человеческие органы являются личными неимущественными благами и после их изъятия теряют свою индивидуальную личностную определенность (Л.О.Красавчикова). Третья группа авторов считает, что органы, изъятые из организма, следует признать вещами и потому они могут быть объектами гражданских правоотношений (Н.А.Маргацкая, С.С.Шевчук, В.П. Сальников, С.Г. Стеценко, М.Н. Малеина) [12].

Нам представляется, что органы человеческого тела не могут быть предметом купли-продажи, но они могут быть предметом сделки, в частности – дарения. Это соответствует требованиям ст. 15 Закона Российской Федерации от 22.12.1999 № 1480-1 (ред. от 23.05.2016) «О трансплантации органов и (или) тканей человека», которая запрещает покупать или продавать органы человека, но в ней нет и запрета на другие сделки. А.Ф. Майфай и А.Б. Лисаченко считают, что орган человека становится объектом права после его отторжения от организма. Процесс присвоения вещи-органа осуществляется в момент проведения хирургической операции. Именно тогда, по их утверждению, в физический объект (тело) вкладывается труд, и часть тела извлекается из естественной среды [11, с. 10; 14].

Органы, изъятые из организма, в этом случае относятся к движимым и неодушевленным вещам. Большая часть из них является неделимыми вещами, но некоторые из них могут быть разделены на части без изменения назначения (например, использование для трансплантации частей печени). Изъятые из организма органы становятся вещами, ограниченными в обороте, объектами гражданско-правовых отношений, так как для изъятия прилагается труд хирургов, а для возникновения права собственности, как в свое время писал О.С. Иоффе, недостаточно одного лишь «вещества природы», но необходимо также, чтобы осуществлялся процесс труда [13].

Врачи должны информировать своих пациентов о любом коммерческом интересе, который могут представлять их биологические материалы. И это требование можно рассматривать как небольшую проверку влияния этих интересов на рекомендации врача; оно также способствует увеличению возможности пациента принимать самостоятельные решения. С другой стороны, признание права собственности на тело за пациентом могло бы быть выражено в формуле понижения вероятности того, что врач находился бы под влиянием коммерческого интереса в отношении пациента. Законодательные позиции пациента должны быть улучшены и укреплены. Он должен быть менее зависим от лечащего врача в том случае, если речь идет о защите его естественных и гражданских прав. Признание права собственности пациента на тело исключало бы возможность влияния коммерческих интересов врачей на их медицинские рекомендации.

Мы полагаем, что контроль за реализацией права человека на свое тело должен осуществляться государством. Человеческий организм следует рассматривать как субъект, наиболее ценный в любом цивилизованном обществе. При этом мы допускаем, что анализу права собственности могут быть подвергнуты не только экономические, но и неэкономические ценности. И хотя многие полагают, что экономические ценности существенны, они, тем не менее, не должны быть главенствующими в рассмотрении данного вопроса. В вопросах права собственности на тело и его части следует обращаться к ценностям, которые не ограничиваются лишь рыночными интересами. Ценности имеют широкий спектр: от священности человеческого тела и до уважения к нашим предкам, а также желания служить обществу. Поскольку мы часто отождествляем себя с нашим телом, мысль о том, чтобы вырезать и отдать часть нашего тела другому человеку, выглядит неуютной для многих, кто верит, что человек создан по подобию божьему и что вскрыть человеческое тело – грех. С другой стороны, если уж надо расстаться с чем-то настолько важным нашему телу, как, например, печенью, легким, то многие из нас предпочли бы сделать это ради близкого человека или из альтруистических побуждений, но не за денежное вознаграждение. Собственность на человеческие биологические материалы и контроль над ними включает в себе массу не сравнимых между собой ценностей в рамках нашего понимания. Одной из таких уникальных ценностей, на наш взгляд, является человеческое достоинство.

Таким образом, человеческое тело продолжает оставаться предметом обсуждения с позиций собственности. В порядке адекватного ответа на существующие вопросы и требования пациентов, исследователей, фармацевтических компаний и широких масс должен быть разработан статутный проект, чтобы регулировать права и обязанности различных сторон. Данный проект должен быть гибким: в нем должны найти свое воплощение идеи различных исследователей проблемы права собственности на человеческое тело.

Библиографический список

1. Перевод на русский язык извлечений из этого кодекса дается С. В. Боботовым (см.: Боботов С.В. Наполеон Бонапарт – реформатор и законодатель. М.: Юрид. фирма «Контракт», 1998. С. 269–299).
2. Закон «О донорстве, изъятии и пересадке органов» от 5 ноября 1997 года или закон «О трансплантации». – ЗТП – BGBL. 1997. С. 26–31. На русском языке о содержании этого закона см.: *Кениг П.* Уголовный запрет торговли органами // Современное медицинское право в России и за рубежом. 1997. С. 328–338; *Жалинская-Перихт А.А.* Закон ФРГ о трансплантации органов: конституционные и уголовно-правовые следствия // Право и политика. 2000. № 7. С. 94–102.
3. См.: *Body Lore and Laws* (Andrew Bainham, Shelley Day Sclater, Martin Richards). Cambridge, 2011. – 400 p.
4. См.: *Leder D.* «Whose Body? What Body?» // *Persons and Their Bodies*. 1990. Т. II, III, P. 43.
5. Картезианство (от Картезий, Cartesius – от имени Декарта) – термин, используемый для обозначения самого Декарта и учений его последователей.
6. См.: *Richardson E. H., Turner B. S.* Bodies as Property: From Slavery to DNA Maps // *Body Lore and Laws*. Cambridge, 2011. – 400 p.
7. *Foucault M.* The History of Sexuality. L.: Tavistock, 1979. – 283 p.

8. См.: *Майфай А. В., Лисаченко А. Б.* Тело человека, его отдельные части как объекты правового воздействия: некоторые предложения для обсуждения // Юридический мир. 2002. №2. С.4-15; *Красавчикова Л.О.* Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в Гражданском праве Российской Федерации. Екатеринбург, 1994. – 435 с.; *Маргацкая Н.А.* Гражданско-правовые вопросы трансплантации и донорства // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1980. № 2. С. 83-89; *Сальников В.П., Стеценко С.Г.* Трансплантация органов и тканей человека: проблемы правового регулирования // СПб. Ун-т МВД России, Акад. права, экономики и безопасности жизнедеятельности. М.: Фонд «Университет», 2000. – 140 с.; *Стеценко С. Г.* Право и медицина: проблемы соотношения. М.: Международный ун-т, 2002. – 248 с.

9. См., например: *Gerike P. A.* Human Biological Material: A Proprietary interest of Part of Monistic Being // 17 OHIO N.U.L. Rev. 1991. P. 805.

10. *Sprem B. W.* Spleens and others valuables: The need recognize property rights in human body parts // Hofstra Law Review. Spring. 1995. Vol. 23. № 3. P. 693-731.

11. См.: *Майфай А. В., Лисаченко А. Б.* Тело человека, его отдельные части как объекты правового воздействия: некоторые предложения для обсуждения // Юридический мир. 2002. № 2. С. 8-9.

12. *Красновский Г.Н.* Биоэтические и уголовно-правовые проблемы в законе Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека // Государство и право. 1993. № 12. С. 74-75; *Красавчикова Л. О.* Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в Гражданском праве Российской Федерации. Екатеринбург, 1994. С. 15-19; *Шевчук С..* О некоторых проблемах совершенствования законодательства в сфере здравоохранения // Современное право. 2002. № 2. С. 24; *Стеценко С. Г.* Право и медицина: проблемы соотношения. М.: Международный ун-т, 2002. С. 115-116; *Малеина М.Н.* Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2000. С. 87.

13. См.: *Иоффе О. С.* Избранные труды по гражданскому праву. М., 2000. С. 634.

14. *Степанова Е. Н.* Характеристика правоотношений между донором и реципиентом в случаях прижизненного органного донорства // Актуальные проблемы правового регулирования медицинской деятельности. М., 2004. С. 152-154.

И.В.Тепляшин*

СУБЪЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Аннотация: В условиях укрепления основ демократии и развития теории общественного контроля возникают новые правовые средства сотрудничества общества и государства. В данном механизме правового регулирования особое значение приобретает правовой статус субъектов общественного контроля, их правовые возможности, место в политической системе общества и деятельности органов управления. Стоит обратить внимание на законодательное установление и социальное состояние прав, обязанностей и гарантий субъектов общественного контроля.

Ключевые слова: общественный контроль, правовые средства, демократия, субъект права, субъективные права, юридические обязанности.

SUBJECTS OF PUBLIC CONTROL: SOME QUESTIONS AND SUGGESTIONS

Summary. In the conditions of strengthening of bases of democracy and development of the theory of social control, there are new legal instruments of cooperation between the society and the state. In the mechanism of legal regulation of particular importance is the legal status of subjects of public control, their legal options, the political system of the society and the activities of governments. You should pay attention to the legislative establishment and the social status of the rights, duties and guarantees of subjects of public control.

Keywords: Public control, legal means, democracy, the subject of law, subjective rights, legal obligations.

В условиях развития института общественного управления важным компонентом является социально-правовой статус субъектов общественного контроля. Правовой статус общественника, представителя гражданского общества напрямую обуславливает качество и значимость института общественного контроля.

Субъектами общественного контроля могут выступать такие участники надзорных мероприятий, как: «общественный инспектор», «общественный эксперт», «общественная группа», «общественная инспекция», «общественный совет», «ассоциации и союзы субъектов общественного контроля». Основываясь на содержании закона об общественном контроле можно констатировать, что перечень субъектов общественного контроля является открытым.

В данных документах не конкретизированы такие элементы правового статуса общественников, как ограничения, основные обязанности, а также специальная юридическая ответственность субъектов общественного контроля. В этом плане крайне сложно установить объем и границы правового статуса субъектов общественного контроля.

* *Тепляшин Иван Владимирович*, Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск. E-mail: lvt-sl@yandex.ru

В свою очередь, не установлены специальные юридические обязанности субъектов общественного контроля. законодатель не детализирует соответствующие формы правового воздействия в отношении участников надзорных мероприятий в случае нарушения законодательства об общественном контроле со стороны самих его активных участников.

Данные пробелы правового статуса субъектов общественного контроля являются реальными, способны корреляционно воздействовать на формируемые организационно-правовые механизмы частно-государственного партнерства и выступают предметом научного анализа и проверки со стороны юридической практики.

Необходимыми предложениями в данной сфере могут являться следующие:

1. Разветвленная структура общественного контроля, наличие общественных советов при всех органах государственной власти и органах местного самоуправления. Кроме того, значимым является наличие реально действующих и относительно автономных общественных объединений, деятельность которых обеспечивает либо способствует реализации общественного контроля. Так, участие молодежи, волонтеров, студенчества в перспективе может способствовать усилению публичных институтов, способствующих общественному контролю. Формирование молодежных парламентов при органах государственной власти субъектов Российской Федерации также является необходимым.

Здесь следует обратить внимание на такие общественные движения и организации, как: Общероссийский народный фронт, Волонтеры Победы, Общественная палата Российской Федерации, Общественная комиссия по борьбе с коррупцией и др. При этом единой системы управления подобными объединениями пока не создано. Отсутствует реальная практика формирования и функционирования союзов и ассоциаций общественного контроля. Перспективной может стать работа, направленная на формирование «центрального исполнительного комитета общественного контроля» и проведение «всероссийского съезда объединений общественного контроля». Эти мероприятия могут способствовать обобщению юридической практики, унификации средств и методов общественной контрольной деятельности, определению основных направлений работы общественников в данной сфере.

2. Наличие прозрачных, открытых и социально понятных качеств субъектов общественного контроля, а также законодательно закрепленных показателей работы общественников, что позволит определить их роль и назначение в системе функционирования государственного управления. Исследование критериев эффективности общественного контроля позволит увидеть также и направления развития данного общественного института.

К подобным критериям может быть отнесено: количество выявленных нарушений в деятельности государственных и муниципальных структур, качественная результативность и значимость общественных экспертиз, уровень доверия населения к деятельности общественников, реальность продвигаемых проектов и предложений публичного характера и др.

Продуктивным можно признать введение рейтинга эффективности общественного контроля. При этом этот рейтинг можно формировать по регионам, по общественным структурам (общественные палаты субъектов, молодежные парламенты и пр.), в соответствующих сферах и пр. Можно говорить о создании специального ранга субъекта общественного контроля.

3. Объективная роль и качество деятельности субъектов общественного контроля в проверке органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц зависит от многих факторов: политических, идеологических, правовых, - среди которых основное место занимает правовой статус данных участников. Правовые возможности, права субъектов общественного контроля являются строго функциональными и представляют собой набор правовых средств, необходимых для эффективного выполнения функций и задач по осуществлению контрольных мероприятий. В свою очередь, гарантии реализации прав субъектов общественного контроля, поощрения и привилегии этих субъектов, а тем более законные интересы не закреплены в действующем законодательстве, в том числе в федеральных законах «Об основах общественного контроля» [1], «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [2]. Например, при нарушении прав общественного инспектора в административном и уголовном законодательстве не предусмотрены специальные составы проступков и преступлений. В таком случае не прослеживается корреспонденция данных правовых предписаний в уголовном и административном законодательстве.

4. Знаковым может выступить формирование и реализация новых и/или усиленных организационно-правовых средств (форм) общественного контроля. Особого внимания заслуживают такие правовые средства, как: беспрепятственное посещение субъектами государственных организаций и учреждений, общественная экспертиза, общественный мониторинг и др. При этом предметом научного исследования могут выступить и иные формы общественного контроля. Это общественная дипломатия, позволяющая формировать и использовать специальные средства взаимодействия с органами власти, а также вести качественный диалог с необходимыми участниками управленческой деятельности. Общественные коммуникации, дающие возможность аккумулировать и обмениваться необходимой информацией и сведениями между субъектами общественного контроля. Это также могут быть и иные формы, связанные, например, с использованием технических, информационных и иных технологий.

В этом плане в законодательстве следует предусмотреть не только информационно-координирующие средства общественного контроля, но и «усиленные» правовые средства воздействия на деятельность органов государственной власти и должностных лиц. Вполне оправданным представляется обсуждение проектов таких федеральных законов, как: «О правовом статусе лиц (субъектов), осуществляющих общественный контроль», «Правовые основы охраны и гарантирования общественного контроля и гражданских инициатив».

5. Сегодня не кодифицирована правовая технология реализации субъектами общественного контроля своих задач. Отсутствует выверенный и социально гармоничный регламент осуществления такой деятельности. Конечно, данные обстоятельства прежде всего снижают качество и перспективность рассматриваемой общественной деятельности, не позволяют этой публичной, активной части общества должным образом оказывать помощь правоохранительным органам. При анализе Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» можно отметить, что законодатель не формирует в отношении представителей общественности, участвующих в соответствующих мероприятиях, особого правового режима, например, при осуществлении общественного мониторинга, проведения проверок и экспертиз. Собственно пробелом является то, что в законодательстве не

определены сроки и периодичность осуществления контрольной деятельности со стороны общественности. Практически не устанавливаются права-требования, права-притязания, комбинированные правовые средства, которые в целом бы включенность общественности в отдельные контрольные мероприятия, проводимые самими органами власти. Эти аспекты следует учесть при принятии, например, федерального закона «Об административном регламенте».

6. При этом сегодня не приходится говорить об информационном сопровождении деятельности подобных объединений. В России отсутствуют периодические печатные издания федерального уровня, освещающие деятельность субъектов общественного контроля. Безусловно, отдельные формы правовой деятельности и результаты общественного контроля можно почерпнуть из интернет-ресурсов, печатных и иных изданий общественных объединений, либо некоторых субъектов общественного контроля. Но такая информация, как правило, является локальной, выборочной, не дающей общей картины о важности и значимости общественной деятельности. Продуктивным представляется формирование централизованного печатного издания, в котором, помимо прочих вопросов, могла бы освещаться активная деятельность граждан и их объединений, а также формироваться социально-правовой портрет общественника в целом.

7. Кроме того, наличие идеологического сопровождения социально-правового статуса субъектов общественного контроля также является достаточно необходимым. Так, на телевидении можно было бы в большей мере транслировать художественные образы общественников, активных граждан, участвующих в публичных, административно-управленческих мероприятиях. Реальное место субъектов общественного контроля в работе органов государства может быть сформировано за счет устойчивого и системного претворения элементов рассматриваемого института в телепрограммах, на радиостанциях, в иных информационных источниках.

В этом плане упоминание, комментирование, признание реальной роли института общественного контроля на высоком политическом уровне можно только приветствовать. Так, например, 15 июня 2017 года в рамках прямой линии Президент Российской Федерации обратил внимание на общественный контроль и поблагодарил Общероссийский народный фронт за работу в экологической сфере. Или 20 июня 2017 года в рамках встречи Президента Российской Федерации с членами Общественной палаты VI состава Глава государства поднял отдельные вопросы в сфере реализации общественного контроля и возложил надежды на институт, его роль в разумном воздействии на государственные структуры [2]. Следует признать в целом положительными такие идеи Главы государства для укрепления института общественного контроля и развития гражданского общества в целом.

В итоге относительно развития правового статуса субъектов общественного контроля положительным представляется нормирование показателей (критериев) эффективности их деятельности, участия в системе публичного управления и механизма взаимодействия с органами государственной власти и органами местного самоуправления, участия в правоприменительной деятельности этих структур.

Представляется важным обсуждение вопросов системного развития института общественного контроля в указанных направлениях. Особенности представленного института нуждаются в дополнительном исследовании юридической наукой и могут лежать в русле повышения качества деятельности органов государственной власти и правоохранительной системы.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 30 (Часть 1). – Ст. 4213.
2. Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 29. – Ст. 3609.
3. <http://www.kremlin.ru> (дата обращения 25.09.2017 г.)

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Для публикации рукописи (статьи, обзора, отзыва или рецензии) в журнале «Теория государства и права» необходимо на адрес электронной почты komaqova_tl@mail.ru направить Оферту и текст рукописи.

Предложение делать оферты, а также текст Оферты размещены в публичном доступе на странице журнала по адресу: <http://matgip.ru/trebuem>

Все рукописи проходят процедуру рецензирования в соответствии с установленным порядком.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Статья (обзор, отзыв, рецензия) предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски в квадратных скобках на источник из библиографического списка.

Допустимый объем одной публикации 5-12 страниц.

К статье прилагаются:

- а) аннотация статьи (4-5 строк) и ключевые слова;
- б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе представляются на русском и английском языках.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее - Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее - Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии - специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи. В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов - специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

8.1.1. соответствие содержания рукописи ее названию;

8.1.2. актуальность темы исследования;

8.1.3. научная новизна полученных результатов;

8.1.4. целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения);

8.1.7. законность и обоснованность заимствований.

8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

8.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале;

8.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки;

8.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту);

8.3.4. рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.

9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2-8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.

11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает Редакционный совет на основании рецензии.

12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом.

13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии предоставляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

Частное образовательное учреждение
высшего образования

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (Санкт-Петербург)

основан в 1992 году

ЛИЦЕНЗИЯ АККРЕДИТАЦИЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

специализации:

- ❖ гражданско-правовая;
- ❖ государственно-правовая;
- ❖ международно-правовая;
- ❖ уголовно-правовая

Документы:

1. Документ об образовании
2. Шесть фотографий размером 3x4 см
3. Свидетельства ЕГЭ по русскому языку, обществознанию, истории России

По окончании института выпускникам присваивается

степень бакалавра или **магистра**

(в зависимости от срока обучения)

и выдается **государственный диплом
о высшем образовании**

Срок обучения:

ДНЕВНОЕ - 4 года, ЗАОЧНОЕ - 5 ЛЕТ

Для лиц со **средним юридическим** и **высшим образованием** -
ускоренный курс обучения - 3 года

Ведется прием в АСПИРАНТУРУ

по научным специальностям:

- 12.00.01 - теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве
- 12.00.02 - конституционное право, конституционный судебный процесс;
муниципальное право
- 12.00.08 - уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

**199106, г. Санкт-Петербург,
ул. Гаванская, д. 3
(812) 325-46-25, 322-18-08**

Официальный сайт: www.lawinst-spb.ru

Книжный интернет-магазин на сайте института

GOLTSBLAT BLP

Goltsblat BLP – российская практика Berwin Leighton Paisner (BLP), ведущей международной юридической фирмы, штаб-квартира которой находится в Лондоне и офисы – в крупнейших коммерческих и финансовых центрах мира: Москве, Абу-Даби, Берлине, Брюсселе, Гонконге, Дубае, Париже, Пекине, Сингапуре, Франкфурте, Тель-Авиве и Янгоне.

В московском офисе **Goltsblat BLP** – более 100 юристов, квалифицированных специалистов по российскому, английскому праву и праву США, общее количество юристов в международных офисах BLP – более 800.

На сегодняшний день Goltsblat BLP является одной из ведущих международных юридических фирм, российской практикой глобальной фирмы, оказывающей правовую поддержку по крупным комплексным сделкам и проектам, как международным корпорациям, так и российским компаниям. Нашей ключевой специализацией является сопровождение сделок и разрешение судебных споров. При этом при реализации комплексных проектов мы используем возможности и ресурсы нашей многофункциональной команды, чтобы обеспечить всестороннюю юридическую поддержку по всем необходимым аспектам и наиболее эффективным образом отвечать потребностям каждого клиента и каждого конкретного проекта, что, безусловно, является нашим преимуществом по сравнению с другими юридическими фирмами.

Международная команда **Goltsblat BLP** обеспечивает правовое сопровождение сделок, связанных с инвестициями российских и иностранных клиентов в России и за рубежом, оказывая правовую поддержку при реализации корпоративных сделок, сделок по слиянию и поглощению, банковских и финансовых сделок, инфраструктурных проектов и сделок с недвижимостью, разрешения споров, а также иных комплексных проектов и представительства в делах, являющихся предметом нескольких юрисдикций.

Клиентами **Goltsblat BLP** являются более 1700 компаний, среди которых крупные международные инвесторы, работающие на российском рынке, российские и международные банки, финансовые организации и российские компании – лидеры в своих отраслях (130 компаний, входящих в рейтинг Forbes Global).

Goltsblat BLP является обладателем 25 национальных и международных наград за последние пять лет, включая:

- Лучшая юридическая фирма в России – **Chambers Europe Awards 2015** и номинант **2016-2017 гг.**;
- Международная юридическая фирма года – **The Lawyer European Awards 2014** и номинант **2015 года**;
- Международная юридическая фирма года – **Legal Business Awards 2010 / Legal 500** и номинант **2015-2016 гг.**;
- Юридическая фирма года (лучший клиентский сервис) – **Chambers Europe Awards 2014 и 2010 гг.**;
- **Топ-3 международных юридических фирмы в России по размеру выручки – рейтинг Право.ру 2016 года** и др.

Специализированные юридические награды Goltsblat BLP за 2017 год:

- *Лучшая фирма года в сфере антимонопольного права* – **Best Lawyers Awards 2018**;
- *Лучшая фирма года в области налогообложения в России* – **European Tax Awards 2017 / International Tax Review**;
- *Лучшая фирма года в сфере недвижимости* – **Best Lawyers Awards 2017**;
- *Юридическая фирма года - Сделки M&A* – **Corporate Live Wire M&A Awards 2017**;
- *Юридическая фирма года в России в области таможи и международной торговли* – **2017 Deal Makers Country Awards**;
- *Топ-100 лучших фирм мира в области антимонопольного права* – **Global Competition Review 100, 2014-2017**;
- *Топ-100 лучших фирм мира в области международного арбитража* – **Global Arbitration Review 100, 2017** и др.

редактор **Н.Б. Чунакова**
перевод **А.В. Саматов**
верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, д.19, корп. 1, офис 12
E-mail: komarova_tl@mail.ru
Сайт: <http://matgir.ru/magazine>
Телефон: (499) 431-5806

Издатель: ООО «Издательство «Концепция»
Адрес издателя: 390044, г. Рязань, ул. Крупской, д. 17, корп. 1.
E-mail: conception.rzn@gmail.com
Телефон: 8 (800) 250-73-02

Выход в свет 25.09. 2017. Формат 61x86 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 9,70. Усл. п.л. 5,6. Тираж 500 экз. Заказ № 35.

Цена свободная

Отпечатано ООО «Издательство «Концепция».
Адрес типографии: 390044, г. Рязань, ул. Крупской, д.17, корп. 1.